

Научно-издательский центр «Социосфера»
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенская государственная технологическая академия

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Материалы II международной научно-практической
конференции 1–2 февраля 2012 года

Пенза – Семей – Саранск
2012

УДК 316(39+2)
ББК 60.54
П 71

П 71 Предотвращение межэтнических и межконфессиональных столкновений как одна из важнейших задач современной цивилизации: материалы II международной научно-практической конференции 1–2 февраля 2012 года. – Пенза – Семей – Саранск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – 114 с.

Редакционная коллегия:

Коновалов Алексей Петрович, кандидат исторических наук, заслуженный деятель науки Республики Казахстан, директор центра социального мониторинга и прогнозирования Семипалатинского государственного университета им. Шакарима.

Баляев Сергей Иванович, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

Данный сборник объединяет в себе материалы конференции – научные статьи и тезисные сообщения научных работников и преподавателей, освещающие психологические и социокультурные аспекты межэтнических отношений, проблемы взаимодействия научного и религиозного мировоззрения, этноконфессиональных и общечеловеческих ценностей. Ряд публикаций посвящен рассмотрению социально-экономических и идейно-политических аспектов межэтнических отношений.

ISBN 978-5-91990-054-2

УДК 316(39+2)
ББК 60.54

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2012.
© Коллектив авторов, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

І. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Шукшина Л. В.

Осмысление проблемы социальных иллюзий 6

Лобанова Н. Е.

Представление об этнической идентичности
в современной науке..... 7

Баляев С. И.

Этнический стереотип
как социально-перцептивный феномен
группового самосознания 9

Баляев С. И.

Особенности этноаффилиативных мотивов студентов-мордвы..... 11

Мешкова Т. А.

Значимость психологической культуры в формировании
этнического самосознания, межэтнических и межкультурных
отношений мордовского народа13

Баляев С. И.

Психологические аспекты межгрупповых взаимодействий
эрзян и мокшан: феномен этнической границы15

Баляев С. И. , Горбунова О. М.

Психологические аспекты этнополитической мобилизации
(на примере Мордовии 1990-х гг.)..... 18

Юльякшин М. М.

Научное и религиозное мировоззрение:
история и перспективы взаимодействия21

Горбунова О. М.

Влияние культурных и религиозных ценностей
на восприятие демократии 24

Баляев С. И. , Хохлов В. А.

Образ чужого в межконфессиональных установках 26

Лемешева Е. М.

Соотношение религиозного и этнического
в сознании чувашей Самарской области.....28

Коновалов А. П.

Национально-языковая ситуация в полиэтническом
регионе Казахстана (анализ итогов социологического опроса)30

Селиванова М. О.

Идеологические основы
политического терроризма на Северном Кавказе 47

Кильберг-Шахзадова Н. В.

Общечеловеческие ценности гражданского общества:
социокультурный подход 51

Бельгибаев М. Е.

Общечеловеческие ценности в межэтнических столкновениях 56

Козина И. Е.

Развитие этнической толерантности
как основа формирования гражданской идентичности 60

**II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ**

Пронин Е. А.

Роль социально-экономических факторов
в этнодемографических процессах 65

Самарина Е. Л.

Проблемы этнического предпринимательства
в европейской социологии (Нидерланды) 67

Коняев Р. В.

К проблеме зарождения и развития
фашистского движения в Испании
в период революции и гражданской войны 1931–1937 гг. 69

Стрельников С. С.

Наука и религия: условия взаимодействия
и их влияние на принятие государственных решений в России 75

Бердигулов И. У.

Религиозный аспект в государственной молодежной политике 78

Григорьев А. В.

Влияние представлений о политических отношениях
между государствами на межнациональное взаимодействие:
российско-польский аспект проблемы 79

Кароян Г. Р.

Проблема геноцида в современном обществе 83

Герасимова О. Е.

Право наций на самоопределение как фактор
гармонизации этносоциальных отношений в современном мире 89

Генык Н. А. , Сеныч М. В.

Примирение как метод предотвращения межэтнических конфликтов.....	94
--	----

Шибель В. М.

Мирный процесс палестино-еврейского межнационального конфликта.....	97
--	----

Авилова М. А.

Политический потенциал национальных государств и новых органов управления	101
--	-----

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году	103
---	-----

Информация о журнале «Социосфера»	107
---	-----

Издательские услуги НИЦ «Социосфера»	112
--	-----

І. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

Л. В. Шукшина

Мордовский государственный университет

им. Н. П. Огарева, г. Саранск,

Республика Мордовия, Россия

Summary. In L. V. Schukshina`s article are envisaged social philosophical aspects of the phenomenon of social illusions, occasions functions, devices of this phenomenon are accentuated. In the last few years accustomed position, accordance what different types of reality don't correlate with each other, nowadays sums insufficient.

Key words: genesis; social illusions; occasions; functions; devices; aberrations.

В силу своей метафизической фундаментальности иллюзии выражают сущность человека. Иллюзии не даны раз и навсегда, они одновременно подвластны и неподвластны времени. Они определяются социумом, их трансформируют постоянно меняющееся общество, культурная среда и время, которые во многом определяют новые ракурсы проявления данного феномена. Способность создавать иллюзии – изначально присутствующая, краеугольная характеристика человека, демаркационный признак, выделяющий человека из животного мира. Животные живут в естественном данном мире, люди же выстраивают свою внутреннюю искусственную среду. Человек – единственное существо, способное строить иллюзии, жить в них и развиваться. Социальность – это сугубо человеческий способ бытия в мире, характерным признаком которого представляется способность конструировать социальные иллюзии. Развитие социальных иллюзий осуществляется в контексте общего развития индивида в социуме, человек сам является предметом иллюзий, создаёт и разрушает их. Движущими силами развития иллюзий выступает несоответствие между реальным и идеальным, между возможностями, желаниями и потребностями индивида, между тем, каков субъект и каким бы он хотел или должен стать, чего желал бы достичь в жизни. К теоретическим основаниям социальных иллюзий мы относим обыденное сознание, социокультурные основания, а также бессознательное и архетипы. Обыденное сознание, которое по своей сути является практически духовным основанием мира, формирующееся на основе повседневной практики и жизненного опыта человека, несёт в себе печать противоречивости, изменений тех или иных сторон объективного мира, является объектом мани-

пуляций и отражением повседневности. Именно на его основе формируются социальные иллюзии.

Поиск регуляторов иллюзорного мировосприятия обеспечивается синтезом философии, психологии, социологии, культурологии. Эти науки дают основание полагать, что к основным социально-психологическим факторам, влияющим на возникновение социальных иллюзий, следует отнести: парадоксальность личности, аттитуд, социальные установки, ценностные ориентации, социальное самочувствие, эмоции, стереотипы, влияние слухов и толпы.

Учение о доминанте А. А. Ухтомского также раскрывает процесс возникновения иллюзорных представлений индивида. Так, на первой стадии возникновения иллюзий важным для индивида является укрепление наличной доминанты; затем выделение только тех раздражителей, которые являются для него важными и интересными; на третьей стадии происходит установление связи между доминантой (как внутренним состоянием) и внешними раздражителями социальной среды.

Мы выделяем как сознательные, так и бессознательные механизмы социальных иллюзий. К сознательным механизмам социальных иллюзий следует отнести мечту и фантазию, а к бессознательным – механизмы вытеснения, идентификации, интроекции, самоограничения, рационализации, идеализации, проекции, переноса.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

Н. Е. Лобанова

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия**

Summary. The article examines the main approaches to the problem of ethnic identity in contemporary Russian science. This paper examines approaches as ethnologists, historians and social psychologists.

Key words: ethnic identity; ethnic self-consciousness.

Понятие этнической идентичности было введено в психологическую науку в 90-е годы XX века. К этому времени был накоплен достаточный эмпирический и теоретический материал по проблемам этнического самосознания и этничности. Согласно В. И. Козлову, «этническое самосознание – сознание принадлежности людей к определённому этносу, конкретно проявляющееся в употреблении ими единого названия народа».

В. И. Козлов рассматривает этническую принадлежность как всеобъемлющий признак этнического самосознания. Этническое

самосознание как сознание своего группового единства, внешним выражением которого является самоназвание (этноним) рассматривают Ю. В. Бромлей, В. В. Пименов. По их мнению, этническое самосознание – это интегративный показатель этноса, основывающийся на представлениях людей об общности территории, об общности происхождения и исторических судьбах составляющих его людей. Г. У. Солдатова определяет этничность как форму внутриэтнического и межэтнического взаимодействия, как средство достижения групповых интересов [2]. Этническая идентичность – это разделяемые в той или иной мере членами данной этнической группы общие представления, которые формируются в процессе взаимодействия с другими народами. С точки зрения Т. Г. Стефаненко, этническая идентичность – это один из ключевых социальных конструктов, возникающих в процессе отражения и активного построения индивидом социальной реальности. Этническая идентичность является составной частью социальной идентичности личности.

По мнению этнологов В. Козлова, С. Рыбакова, В. А. Тишкова, В. Малахова и др., понятия «этничность», «этническая идентичность» и «этническое самосознание» могут использоваться как синонимичные. Психологи придерживаются иной точки зрения. По мнению Е. М. Галкиной, использование термина «этническая идентичность» представляется более перспективным, чем термин «этническое самосознание» [1]. Некоторые аспекты этнического могут являться предметом осознания в меньшей степени или же существовать на бессознательном уровне и в силу этого не могут входить в содержание понятия «этнического самосознания». Этничность – это принадлежность человека к этносу, определяемая объективными признаками: национальностью родителей, местом рождения, языком, культурой. На её основе посредством этнической идентификации формируется этническое самосознание – система представлений о себе как об этническом субъекте. При этом его когнитивно-мотивационное ядро составляет этническая идентичность, являющаяся субъективной характеристикой, представляющей осознание, оценивание, переживание своей принадлежности к этносу [2]. Таким образом, этническая идентичность – это составная часть социальной идентичности личности, сложный комплекс этнических представлений, чувств, основанных на принадлежности к этнической общности и индивидуальных стратегий в межличностных отношениях.

Библиографический список

1. Киселёв А. Я. Формирование идентичности в меняющемся мире. – Ярославль, 2001. – 298 с.
2. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. – М., 1999. – 357 с.

ЭТНИЧЕСКИЙ СТЕРЕОТИП КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕРЦЕПТИВНЫЙ ФЕНОМЕН ГРУППОВОГО САМОСОЗНАНИЯ

С. И. Баляев

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. The article examines the experience gained in the study of ethnic stereotypes. Particular attention is paid to the mechanisms factors, types of ethnic stereotyping.

Key words: ethnic stereotyping; ethnic identity.

Исследования этнических стереотипов имеет большое значение для составления полноценной картины этнического самосознания, межэтнических отношений. Они закономерно выводятся из проблематики социального стереотипа, получившей своё научное рождение в 20-е годы нашего столетия в связи с работами У. Липпмана. Впоследствии было предложено множество различных определений стереотипа.

Так, Г. Оллпорт видит причину возникновения стереотипа, объясняющую во многом его суть, в экономичности человеческого усилия, направленного на познание предметов и явлений через типичное и общее. В течение ряда десятилетий справедливым считали определение Катца и Брейли: стереотип есть установившееся представление, которое очень в небольшой степени соответствует фактам, и которые в свою очередь оно в итоге представляет. В экспериментальных исследованиях в конце 1950-х годов Уэллс, Гой и Сидер доказали, что стереотип – это не ошибка в работе познавательных процессов человека, а социальный феномен, зависящий от многих объективных причин [3]. Характерной чертой большинства точек зрения западных учёных (Шонфилд, Богардус, Кембелл) на стереотип является фактическое отождествление его с понятием «обобщение».

Теоретические положения различных концепций социального стереотипа, как правило, опирались на экспериментальное исследование этнических стереотипов. Уже с самого начала эмпирического изучения они воспринимались исследователями как негативные образования в сознании человека и группы.

Этнические стереотипы исторически наслаиваются в обыденном сознании. Действительно, многие авторы отмечают исторически устойчивый характер содержания большинства этнических стереотипов, в первую очередь негативных. Чем глубже в историю, тем значительнее фактор преемственности негативных этнических стереотипов, передающихся от поколения к поколению. К примеру, Г. М. Коваленко, исследовавший функционирование этнических ге-

теростереотипов у шведов в XVI–XVII веках, отмечает, что «в основе негативного отношения к русским шведов лежало унаследованное с древнейших времён представление об иностранцах, особенно соседних народах, как второсортных» [1]. Особую роль в межпоколенных представлениях о других народах играли книжные стереотипы. Они, как правило, предопределяли содержание образов, бытующих впоследствии во всём общественном сознании. Книжный стереотип – это своего рода первое звено в общей цепи, по которой этнические стереотипы могли внедряться в сознание людей. Это наиболее удобная форма навязывания нужных представлений, идеологизации общественного сознания. Так, в XV–XVI веках в условиях организации болгарского общества, напора ислама, особое значение в высших слоях болгар приобрели не сугубо этнические, а конфессиональные стереотипы: «мы – христиане», «они – мусульмане». «Большинство эпитетов, применяемых по отношению к туркам, – отмечает в этой же связи Н. Ф. Макарова, – имеют конфессиональное содержание безбожные, нечестивые, неправедные, незаконные...» [2]. Что интересно, сначала эти стереотипы нашли отражение в литературных сочинениях, различных рукописных сборниках. Важно отметить, что «обыденное сознание рядовых жителей болгарских городов и сёл продолжало на протяжении XV–XVI веков прочно сохранять свою этническую окраску [2]. И только к началу XVII столетия в этническом самосознании болгар значительно усилился конфессиональный компонент, что было связано с последствиями тех условий, в которые был поставлен болгарский народ после порабощения.

В настоящее время функции книжного стереотипа переместились на средства массовой информации, которые уже в гораздо больших масштабах способны влиять на содержание этнических стереотипов. В течение длительного времени, к примеру, в практике западного общества велась активная пропаганда на поддержание негативного образа представителей негроидной расы. Многие примеры подобного рода можно найти и в реалиях современного российского общества.

Ведущую роль в утверждении и трансформации этнических стереотипов всегда играют экономические, политические и другие причины. К ним следует относить весь комплекс экономических, политических и культурных взаимоотношений стереотипизируемой и стереотипизирующей групп. Стереотипы являются постоянным отражением их состояния. Подтверждением этого тезиса служат многочисленные эмпирические исследования содержания этнических стереотипов в период важных политических перемен. Так, американцы в годы разгара II мировой войны наделяли образы немца и японца строго негативными характеристиками, которые отсутствовали в них до начала активных военных действий. В межгрупповом

контексте рассмотрения проблемы важно отметить, что любая социальная категоризация неизменно ведёт к стереотипизации.

Библиографический список

1. Коваленко Г. М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – С. 65–76.
2. Макарова Н. Ф. Структура автостереотипа болгар в условиях османского владычества (XV–XVI вв.) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. – М. : Ин-т славяноведения и балканистики, 1990. – С. 116–20
3. Шихирев П. Н. Исследование стереотипа в американской социальной науке // Вопросы философии. – 1971. – № 5. – С. 168–173.

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОАФФИЛИАТИВНЫХ МОТИВОВ СТУДЕНТОВ-МОРДВЫ

С. И. Баляев

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия**

Summary. The article analyzes the phenomenon of ethnic affiliation. We consider the results of an empirical study of ethnic affiliation on the example of Russian, Mordovia and Tatar students.

Key words: ethnic affiliation; ethnic identity.

В поисках социальной защиты, устойчивости, возможности осуществления определённых видов активности, а также с целью удовлетворения потребностей в социальном, экономическом и психологическом объединении, индивиды, как правило, стремятся принадлежать к группе или группам. Это «стремление к психологической общности с группой» известно в психологии как аффилиативный мотив. Подоплёка такого «общего чувства» с группой выражается в двух тезисах. Во-первых, для достижения соответствующих целей необходим союз с определёнными людьми и с определёнными группами. Во-вторых, существует целый ряд важнейших социальных потребностей (в поддержке, одобрении, дружбе, статусе, симпатии и др.), которые удовлетворяются только через межличностные отношения и в союзе с другими людьми [1, с. 128].

Этническая принадлежность – одно из средств приспособления, лучшей ориентации и достижения определённых социальных целей в современном сложном мире. Принадлежать к этнической группе – это также способ выделиться, обратить на себя внимание, через этничность повысить свою ценность. В настоящее время это

очень важный момент для многих культур мира, так как отличительность начинает занимать достаточно высокое место в иерархии современных жизненных ценностей. Силу потребности в этнической принадлежности можно определить через известные в социальной психологии индикаторы групповой сплочённости (одного из синонимов групповой солидарности): желание оставаться членами группы, уровень внутригрупповой привязанности и степень удовлетворения от участия в группе. В контексте межэтнических отношений эти индикаторы мы рассматриваем как этноаффилиативные мотивы.

В ходе эмпирического исследования использовались следующие методики: Диагностический тест отношений, методика «Этническая аффилиация», методика «Типы этнической идентичности». Авторы методик – Г. У. Солдатова, С. И. Рыжова. Экспериментальной базой явился Мордовский государственный университет. В исследовании приняли участие 110 человек. Из них: 30 – татары, 30 – русские, 50 – эрзя и мокша.

Выяснилось, что степень идентификации с собственной этнической общностью у представителей всех исследуемых групп оказалась достаточно высокой. Самая невысокая степень этнической самоидентификации выявлена в группе русских студентов. В отличие от других национальных самопредставлений она носит практически размытый и неопределённый характер.

Среди мордвы и русских, как представителей индивидуалистической, а не коллективистской культуры, выраженность этноаффилиативных тенденций (например, когда характерны выражения «никогда не забываю о своей этнической принадлежности», «человеку необходимо ощущать себя частью своей национальной группы») оказались существенно ниже, чем среди татар.

Мордовские респонденты при необходимом уровне позитивного отношения к своему этносу обнаруживают толерантное отношение к представителям других этнических общностей, хотя показательно выше чем у татар и русских. По целому ряду эмпирических показателей выявлена готовность русских и мордовских студентов к различного рода межэтническим взаимодействиям, и национальные предпочтения оказываются далеко не на первом месте особенно, если это касается вопросов брака, семьи, бытовых контактов. В этом случае этническая идентичность и личные предпочтения не взаимозависимы. Таким образом, мордовские и особенно русские респонденты не склонны защищать свой этнический статус в межличностных отношениях. Вместе с тем татарские респонденты, чаще ориентируясь в личных контактах на внутриэтническую среду, в равной степени отдаляют от себя и мордвина и русского.

Библиографический список

1. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряжённости. – М. : Смысл, 1998. – 389 с.

ЗНАЧИМОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ, МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ МОРДОВСКОГО НАРОДА

Т. А. Мешкова

Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. This article deals with the psychological relationship of culture and ethnicity. This paper analyzes the different levels of psychological manifestations of culture in the context of the ethnic group.

Key words: interethnic relations; interethnic conflicts; ethnic attitude; psychological culture.

Наша страна является многонациональным, полиэтническим государством с разнообразными культурой и религией. Достаточно очевидно, что здесь возможны, да и возникают конфликты на межэтнической почве. Всемирная глобализация хоть и стирает формальные границы между государствами и национальными республиками, но не влечёт за собой полное объединение и растворение друг в друге всех близко находящихся этносов.

С распадом Советского Союза и распространением гласности процесс межэтнических разногласий ощущался довольно остро, и такие конфликты подвергались огласке в средствах массовой информации. Проблема межэтнических и межкультурных отношений начала всерьёз волновать как зарубежных, так и отечественных учёных.

Проблемой межэтнических отношений, по мнению Т. Г. Стефаненко, занимаются представители многих наук: культурантропологии, политологии, социологии, экономики, истории, психологии. Этот автор отмечает, что межэтнические отношения – это не только отношения между группами (соперничество и сотрудничество), но и представления о них – от позитивных образов до предубеждений. Важными факторами формирования межэтнических отношений являются государственная политика, глобализация и информатизация общества, которые в свою очередь оказывают влияние на формирование межэтнического самосознания и положительных или отрицательных этнических стереотипов (исследование А. И. Донцова, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева).

Мордовия является одной из многонациональных республик Российской Федерации. В ней проживают люди разных национальностей – русские, мордва, татары, чувашаи др. Каждая этническая группа является уникальной в своём роде. На национальное самосознание мордвы оказало большое влияние историческое прошлое, в частности вероисповедание и другие этносы, прежде всего русский. С распространением межэтнических браков и других форм взаимодействия уникальность мордовского народа начала постепенно утрачиваться. Отношение к собственной этнической общности, проявляемое в этнических аттитюдах у мордовского народа, довольно неоднозначно. Очевидно, что если большинство мордовского народа пытается скрыть свою национальную принадлежность, то данный этнический аттитюд имеет отрицательную окраску. (В сопоставлении с исследованиями казахов и русских у А. И. Донцова, Т. Г. Стефаненко, Ж. Т. Уталиева) [1].

Хотя данные последней переписи населения, проведённой на территории Российской Федерации в 2010 г., говорят об увеличении количества мордовского населения, это ещё не фактор того, что улучшилось отношение мордовского народа к своей этнической группе, поскольку данная цифра лишь формальная.

Изучая психологические особенности народа (темперамент, характер, познавательные процессы и др.), следует помнить, что они являются частью психологической культуры данного этноса, поскольку она существует и функционирует в пространстве межличностных и межэтнических отношений. Психологическая культура содержит интеллектуальный (когнитивный – знания о себе и других людях), практический (умения и навыки применения знаний о себе и других людях) и ценностно-смысловой (нравственный – отношение к себе и другим людям на основе знаний и умений) компоненты. Она влияет на формирование положительных аттитюдов, этническое самосознание, межкультурные взаимоотношения и т. д. [2].

Формирование психологической культуры – процесс сложный и часто стихийный. Трансляция психологических знаний от поколения к поколению затруднена. Передача психологических знаний от субъекта к субъекту сложна из-за многих внутренних факторов обоих участников процесса общения. Много зависит от их психической реальности, характеров, темперамента, мотивации, способа восприятия и т. д. [2; 3]. Если даже людям одной национальности бывает трудно найти общий язык из-за их психологических особенностей (восприятия, способа мышления, характера и т. д.), то вопрос о межэтническом взаимодействии ещё более сложен, поскольку кроме всего перечисленного сюда добавляется фактор этнических особенностей обоих субъектов.

Разработка данной проблемы будет способствовать восстановлению позитивного восприятия своей этнической общности у мор-

довского народа и гармонизации межэтнических отношений в целом, уменьшении конфликтов, как межличностных, так и межгрупповых, на фоне этнической принадлежности. Повышению этносоциального статуса мордовского народа и соседствующих этносов в новой социальной реальности сопряжённой с ростом чувства самоуважения и сохранения народностей в целом.

Библиографический список

1. Донцов А. И. , Стефаненко Т. Г. , Уталиева Ж. Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. – 1997. – № 4. – С. 75–86.
2. Романов К. М. , Романова О. Н. Психологическая культура человека: теоретические основы и методика формирования. – Саранск, 2007. – 130.
3. Стефаненко Т. Г. . Этнопсихология. М. : Аспект Пресс, 2003. – 368 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖГРУППОВЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ ЭРЗЯН И МОКШАН: ФЕНОМЕН ЭТНИЧЕСКОЙ ГРАНИЦЫ

С. И. Баляев

**Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия**

Summary. The article analyzes the phenomenon of ethnic boundaries on the example of the interaction Erzyas and Moksha. The author summarizes the empirical studies on socio-cultural distance.

Key words: interaction Erzyas and Moksha; phenomenon of ethnic boundaries.

Этническая граница – это не государственная и даже не культурная граница. Суть данного понятия, с социально-психологической точки зрения, есть результат психологической дистанцированности этнофоров от «других», итог осознания того, где «мы», а где «они». Культурные отличия служат лишь естественным и удобным индикатором проведения этой границы. Распространённые этноинтегрирующие и этнодифференцирующие признаки, такие как национальный язык, национальные обычаи – своего рода «красные флажки», по которым проходит этническое и даже субэтническое дистанцирование. В реальности граница – в психологических представлениях этнофоров. Если роль культурных различий падает вследствие объективных причин, то значимыми остаются психологические установки.

Безусловно, речь здесь не идёт об обосновании антагонизма между эрзянами и мокшанами, но о существовании очевидной для них различительной границы. Поскольку в роли «других» на первом уровне этнической идентификации для самих эрзян и мокшан

выступают всё-таки эрзя или мокша, то из способов видимой защиты от них является охрана различительных для этого уровня идентичности признаков.

Опыт эмпирического исследования национального самосознания эрзян и мокшан позволяет нам говорить об этнических особенностях их поведенческих стереотипов. Этнические стереотипы, реализующиеся в поведении, выполняют функцию охраны так называемой этнической границы от чужеродного влияния. Есть таковая в межгрупповых взаимодействиях эрзян и мокшан? Ответ на этот вопрос можно найти, обратившись к исследованию готовности представителей эрзи, мокши контактировать между собой как коллегами по работе, руководителями, соседями, друзьями и членами семьи, т. е. к социально-культурной дистанции.

Как оказалось по результатам этносоциологических опросов, вне зависимости от национальной принадлежности социальная дистанция увеличивается в следующем порядке: коллега по работе, руководитель, друг, сосед, партнёр в браке. Однако были выявлены особые этнические предпочтения. Явными оказались внутригрупповые ориентации для всех этнических общностей (русских, эрзян, мокшан, татар). Так, «в качестве коллеги по работе предпочитают иметь человека своей национальности 79,1 % мокшан, 78,9 % эрзян, 89,6 % русских, 43,8 % татар». В то же время 64,0 % респондентов мокшан, 56,3 % – эрзян и 47,2% – татар хотели бы видеть в качестве руководителя тоже человека своей национальности, но во вторую очередь – русского [1]. Высокая внутригрупповая согласованность на собственную этническую общность наблюдается и при выборе соседа. Вместе с тем достаточно высок процент эрзян и мокшан, прежде всего имеющих среднее и высшее образование, которые готовы иметь среди соседей именно русских. В реальности около 73 % мокшан и 57 % эрзян общаются с соседями только их национальной принадлежности.

Результаты проведённых в последние два десятилетия НИИ регионологии этносоциологических исследований показывают, что с повышением уровня образования у респондентов растёт общая этническая толерантность, однако приоритет среди этнически предпочитаемых в большинстве контактных ситуаций остаётся за русскими. Так же не было выявлено особых этнических предпочтений при выборе друга, хотя, необходимо отметить, что и здесь национальный фактор остаётся наиболее значимым для респондентов, имеющих начальное и неполное среднее образование. А вот результаты проводившегося в 1973–1974 годах комплексного социологического исследования, хотя и косвенным образом, но указывают на наличие у большинства опрошенных тесной связи между национальным фактором и выбором близкого друга.

Наиболее заповедной, охраняемой средой межэтнического взаимодействия между представителями различных национальностей являются близкие межличностные отношения, выбор линии поведения в которых в ещё более значительной степени зависит от тех или иных лично оберегаемых мотивов. Наибольшую толерантность при выборе брачного партнёра проявляют русские. По результатам этносоциологического исследований, подавляющее большинство русских респондентов (81,4 %) не придерживается этнической традиции в этом вопросе [1]. Напротив, наибольшая эндогамность браков характерна для татар, которые важными факторами при выборе супруга(ги) называют необходимость сохранения национальной самобытности своего народа – 51,6 % ответов, общность религиозной веры с будущим супругом(ой) – 49,2 % ответов респондентов [1]. Если обозначить данные значения за полярные, то позиция большинства мокшан в этом вопросе окажется в «золотой середине». И если 33,8 % мокшанских респондентов всё же предпочитают вступать в брак с мокшанами, то ещё более толерантным является отношение эрзян: только 25 % из них придерживается ингрупповой этнической направленности в браке [1].

Более подробно следует остановиться на эрзянско-мокшанских смешанных браках, как важном индикаторе состояния психологического фона данных субэтнических отношений. Исследования середины 1970-х годов показали, что в сельской местности 40,1 % браков составляют внутриэрзянские, 52,5 % семей – внутримокшанские. Браки между мокшей и эрзей составляли только 0,8 % [2]. Безусловно, одной из объективных причин такого низкого значения смешанных субэтнических браков является компактность территориального проживания в Республике Мордовия. Даже районы республики отчётливо дифференцируются по преобладанию эрзянского или мокшанского населения. На наш взгляд, не следует упускать из вида роль этнической установки в этом явлении. В городе ориентация на эндогамию хотя и значительно снижается, но общее количество браков между эрзянами и мокшанами по-прежнему незначительно (всего около 4,5 %) [2]. Основную долю смешанных браков и у эрзян, и у мокшан, согласно тем же сведениям, составляют русско-эрзянские и, соответственно, русско-мокшанские. Причём последних на 7 % меньше первых. В последнее время тенденция постепенного увеличения количества мокшанско-эрзянских семей более заметна.

Библиографический список

1. Богатова О. Н. Механизмы гармонизации межэтнических отношений в региональном социуме (на примере Республики Мордовия). – Саранск : Типография «Красный Октябрь», 2004. – 238 с.

2. Разживин В. Ф. Межнациональные браки как фактор этнодемографического процесса // Материальная и духовная культура мордвы в XVIII–XX вв. – Саранск. : Морд. кн. изд-во, 1978. – С. 140–146.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВИИ 1990-Х ГГ.)

С. И. Баляев, О. М. Горбунова
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. This article highlights the psychological characteristics of ethno-political mobilization in Mordovia in the 90s of last century. Particularly noteworthy characteristic of the psychology of the leaders of national movements of that period

Key words: ethno-political mobilization; psychology of the leaders of national movements.

О существовании в начале 1990-х годов в Мордовии первой фазы межэтнической напряжённости утвердительно говорят прямые данные этносоциологических исследований. Главным индикатором её развития в Мордовии явился рост активности национальных движений. В октябре 1989 года было зарегистрировано первое общество такого рода – Всесоюзное эрзяно-мокшанское культурно-просветительское общество «Масторава». В августе 1990 года в Саранске состоялся 1-й Всероссийский съезд «Масторавы». Съезд выработал ряд мер не только культурного характера, но отдельные политические требования носили откровенно националистический характер, как то: выдвижение на руководящие посты всех районов республики только лиц мордовской национальности.

До определённого момента лидеры «Масторавы» причисляли и эрзя и мокшу к единому народу. Характерное для этапа латентной напряжённости стремление к этнической консолидации, к отстаиванию поправленных прав мордвы оказались чисто внешним защитным действием, скрывавшим до определённого времени разногласия этнического рода в самом движении. Противоречия между мокшанами и эрзянами в «Мастораве» скоро стали очевидными. Часть его эрзянских членов в декабре 1992 года создали эрзянское национальное движение за равноправие и развитие «Эрзянь мастор» (страна эрзян). Затем был зарегистрирован ещё ряд национально-общественных организаций, в большинстве своем проэрзянских.

Психологическая отгороженность от мокшан в среде эрзян-националов приняла видимые очертания. Хотя скрытая наблюдалась и ранее. К. Юнг справедливо считает, что национальные движения, в том числе и динамика их развития «...не раздражаются,

словно гром среди ясного неба, а всегда являются результатом длительной предрасположенности...» [4]. К тому же наш пример только подтверждает общее правило, что с ростом межэтнической напряжённости возрастает её дифференцированность.

Ещё в единых печатных изданиях эрзянские авторы то и дело в публикациях называют мокшан «мордвой», идентифицируя себя только с «эрзей». Одновременно лидерами «Эрзянь мастор» пропагандируются идеи о навязанности этого оскорбительного имени («мордва») со стороны русских ещё в прошлом. Именно в этом состоит специфика чувства ущемлённой национальной гордости у эрзянских националов: «десятилетиями накапливался в нас комплекс неполноценности, второсортности, так как слово «мордва» ассоциируется с чем-то недалёким, примитивным и часто, сами того не желая, мы стеснялись принадлежать этому народу, носящему такое безликое и уничижительное имя... Почему с таким пренебрежительным оттенком произносится русскими слово «мордва»?» [2].

Мотивационной основой отчуждения от группы является чувство стыда, ущемлённости, страх этнокультурной ассимиляции. Отдифференцирование себя из «мордвы» в сторону «эрзян» психологически способствует росту чувства гордости, национального достоинства, необходимых для восстановления позитивной этнической идентичности в случае её утраты. У националов, потребность которых в этнической принадлежности всегда занимает одно из главных мест в иерархии личностно значимых, подобная эмоциональная трансформация рождает сверхпозитивную этническую гиперидентичность. С другой стороны, открыто проявляется интолерантность к тем, в близкие родственники к которым их приписывают, то есть к мокшанам.

В печати «Эрзянь мастор» и других проэрзянских организаций откровенно начинается вестись поиск абсолютных этнических различий между эрзянами и мокшанами: чётко акцентируется языковая, культурно-историческая и даже антропологическая граница. Оказывается, что «разницы между эрзей и мокшей не меньше, если не больше, чем между белорусами, украинцами и русскими или между татарами и башкирами» [3]. В конце концов «мокша и эрзя не в состоянии понять друг друга», да и «мокшанские круглые лица приближаются по типу скорее к татарским и чувашским» [3]. Один из эрзянских священнослужителей Кочкуровского прихода – В. Захаркин отмечал в своё время даже, что «эрзяне и мокшане имеют разных ангелов-народоправителей» [1].

В ряде своих публикаций националы скатываются к приписыванию мокшанам негативных черт поведения, не подобающих для уважающего себя народа, с точки зрения эрзян: «... в эрзянах, несмотря на многовековое внедрение колониальной психики, живёт желание быть самостоятельным народом... мокшане же в этом отношении пас-

сивны. Возможно, поэтому они чувствуют дискомфорт или зависть; наверное, этим и объясняется то, что мы, эрзяне, никогда не вмешиваемся в дела мокшан, мокша же постоянно пытаются нас ущипнуть... мокшане сами не идут и эрзянам шагать не дают» [3]. Психология такого отношения ясна: кто не с нами, тот против нас.

Поиски собственного сверхпозитивного этнического образа, как правило, сопровождаются активным обращением к прошлому. Идентифицируя себя с языческой дохристианской религией, так называемой верой в Инешкепаза (верховного бога), эрзянские националы таким образом отвергают «колониальный» период своей истории. В этой части установок активисты эрзянского национального движения наиболее последовательны в действиях. По сей день иницируются различные массовые языческие мероприятия. Характерные для гиперэтнического самосознания мифологизация и героизация своей истории яркое подтверждение себе находят и в идеологии эрзянского национального движения. Сверхактуальная потребность в национальной гордости и защите её рождает поиск средств в возвеличивании собственного народа, но на фоне неприятия других, мокшан в частности. Так, «во всех начинаниях во все времена в так называемой мордве инициаторами, застрельщиками были эрзяне... эрзя дольше мокшан сопротивлялась христианизации, эрзяне дали большое количество неординарно насыщенных талантливых людей (патриарх Никон, протопоп Аввакум, певица Л. Русланова...)» [3].

Вышеприведённый анализ очевидно характеризует попытку эрзянских националов перевести этническую ситуацию в республике в фазу фрустрационной напряжённости. Повышенный эмоциональный тон, часто негативный, рост интолерантности, сверхпозитивная этническая гиперидентичность эрзянских националов говорят о существовании в середине 1990-х годов отдельных предпосылок для возможного развития межэтнических, а главное, субэтнических отношений по сценарию роста фрустрационной напряжённости в Мордовии. В то же время нельзя говорить о существовании широкой поддержки идей и действий эрзянских националов среди широких масс эрзян. В большинстве эрзянское население оставалось практически индифферентным к суверенизаторским и другим этнополитическим лозунгам «Эрзянь мастор».

Библиографический список

1. Захаркин В. О происхождении народов и небесной иерархии // Советская Мордовия. – 1993. – 31 марта.
2. Клинова Р. Вопросы есть. Кто ответит? // Эрзянь мастор. – 1995. – 17 августа.
3. Маризь К. Мы – эрзяне. Что в имени тебе моём? // Эрзянь мастор. – 1995. – 25 января.

4. Юнг К. Г. Современность и будущее // Одайник В. Психология политики: политические и социальные идеи К. Г. Юнга. – СПб. : Ювента, 1996. – С. 205–265.

НАУЧНОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

М. М. Юльякшин

Уфимский автотранспортный колледж, г. Уфа Россия

Summary. In given article the history and prospects of interaction of scientific and religious outlook is described. The real consent between them it is possible to reach as a result of understanding of uniqueness of each of these forms of culture by means of disclosing of certain fields of their rapprochement which are caused by the general humanistic values.

Key words: religious outlook; scientific outlook.

В XX веке мы стали свидетелями грандиозных достижений науки и техники и одновременно обострения множества различных проблем, порождённых научно-техническим прогрессом и угрожающих самому существованию человечества. Своеобразным откликом на эту угрозу стал религиозный ренессанс, наблюдаемый не только в нашей стране, а также всплеск антисциентистских настроений в мире. В частности, в нашей стране об этом процессе свидетельствует массовое воссоздание и строительство новых храмов, интенсивное внедрение религии в политику, в государственную, общественную и частную жизнь. Надежды на религию в деле духовного возрождения привели к введению богословских дисциплин в учебные планы государственных образовательных учреждений и т. д. Религия в наши дни снова претендует на духовное лидерство. Действительно, повсюду умножается критика сциентистских концепций, увеличивается интерес к различным вненаучным когнитивным практикам, к религиозно-этическому опыту человечества. При этом часто утверждают, что только религиозное знание может наиболее полно разъяснить основополагающие законы мироздания. Таким образом, ставится под сомнение рациональность самого знания, сформированная в противостоянии разума и религиозных предрассудков и имевшая первостепенное значение в развитии европейской цивилизации. Однако не стоит забывать, что как раз религия поставила вопрос об особенностях общественного бытия, выработала теорию линейного времени, поставила вопрос о необратимости исторических событий (естественно, трактуемый в духе провиденциализма). Поэтому европейская цивилизация и именуется христианской. Ведь «именно религия, которая в результате сложных и опосредованных зависимостей отражала то, что называется базисом общества, обеспечивала специфику и цельность средневековой

культуры» [3, с. 19]. Взаимодействие областей религиозного и светского в истории европейской цивилизации постоянно менялось. В своей фундаментальной монографии "Религия и наука: история и современность" И. Барбур предлагает следующую классификацию способов соотнесения науки и религий: а) конфликт; б) независимость; в) диалог; г) интеграция [1, с. 17]. Так, начиная с XVII в. всё очевиднее обозначается процесс секуляризации общества. Многие сектора культуры и общественной жизни (политика, экономика, искусство, образования, наука и т. д.) выходят из-под определяющего влияния религии, обретают всё более значительную степень самостоятельности. На смену всеобщему устремлению к царству Божию, на смену массовым эсхатологическим ожиданиям приходят стремления к благополучной и счастливой жизни на Земле и утопическое, прогрессистское мировоззрение. После зарождения науки последовал процесс умножения научных знаний, распространение научного метода на территории, им ещё не охваченные. Как пишет В. П. Визгин, «до нового времени наука смешивалась не только с магией и оккультными дисциплинами, но и с элементами религиозного мировоззрения, поскольку в те времена наука претендовала на целостность мировоззрения, на полноту понимания бытия, включая и сверхъестественное начало. Но к началу XVII в. такое смешение стало особенно неприемлемым, так как представляло собой угрозу как для традиционной религии, так и для возникающей науки... в это время остро встаёт вопрос об отделении ранее всегда выступавших вместе сфер культуры и знания. Особенно острой была проблема автономизации науки и отделения её от религиозного отношения к миру. Именно механистическое естествознание, которое в это время складывается и у Галилея, и у Декарта, позволяло это разграничение провести с полной чёткостью. Действительно, ведь механистическая наука недвусмысленно определила, что такое естественное как таковое или природа, ставшая предметом этой науки» [2, с. 209]. В сфере религиозного познания оставалась задача определения Бога или сверхъестественного. Господство религии в средние века в Европе обуславливалась, главным образом, тем, что она была доминирующей формой общественного сознания, окончательной инстанцией, определяющей не только внешнюю сторону жизни людей, но и духовную среду обитания человека. Именно вера в Бога – создателя Вселенной придавала своеобразие культуре средневековой Европы. В этот период процессы рационального познания и их результаты считались «низшим» знанием, ограниченным собственным разумом человека. Такого рода познанию была недоступна сущность Творца мироздания, знание которого может базироваться только на постулатах веры. То есть, существовала своеобразная область знаний, где представления человека об окружающем

мире непосредственно коррелировались с иррациональными основаниями человеческого сознания.

В XIX в. наука, можно сказать, заменила собой религию, что доказывается созданием универсальных учений, вроде теории эволюции Ч. Дарвина, которые открыто притязают на то, чтобы на научной основе решать фундаментальные проблемы человеческого бытия. Б. Рассел писал: «Религия вступает в конфликт с наукой именно по той причине, что имеет социальное значение. Личная религия, не делающая утверждений, которые наука могла бы опровергнуть, спокойно существует и в научную эпоху. Конфликт обостряется, когда наука оспаривает какую-нибудь важную христианскую догму или какое-нибудь философское учение, которое теологи считают существенным. Вообще говоря, спор между религией и наукой первоначально шёл о деталях, но постепенно были затронуты вопросы, которые считаются или считались когда-то жизненно важными с позиций христианского учения» [4, с. 132].

В начале XXI века в контексте нарастающих процессов глобализации всё более чётко делаются видимыми положительные и отрицательные аспекты развития техногенной цивилизации, ядро которой составляет дальнейшее распространение науки и техники. Соответственно с этим актуализируются проблемы, связанные с целями развития науки, с характером её взаимодействия с иными формами современной культуры и, прежде всего, её взаимоотношение с религией. На сегодняшний день главным трендом является нахождение гносеологического разнообразия и признания толерантного отношения к многочисленным «когнитивным практикам». Взгляд в прошлое помогает уточнить устоявшееся представление о полной антагонистичности науки и религии, в котором немалую роль играли идеологические моменты, то есть внутренний догматизм церкви и характерные для техногенной цивилизации притязания науки на создание фундаментального мировоззрения, основанного на сциентистских идеях. Реального согласия можно достичь не за счёт отказа от исходных принципиальных позиций, а в результате понимания уникальности каждой из этих форм культуры с помощью раскрытия определённых полей их сближения, которые обуславливаются общими гуманистическими ценностями. Это будет отражать амбивалентный характер развития общества, где негативные последствия научно-технического прогресса уравниваются равновеликими достижениями в духовной сфере.

Библиографический список

1. Барбур И. Религия и наука: наука и современность. – М., 2001.
2. Визгин В. П. Границы новоевропейской науки: модерн/постмодерн // Границы науки. – М. : Ин-т философии РАН, 2000.
3. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. – М., 1984.
4. Рассел Б. Почему я не христианин. – М. : Политиздат, 1987.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА ВОСПРИЯТИЕ ДЕМОКРАТИИ

О. М. Горбунова
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. The article examines the social factors that affect the perception of political categories. In particular, the article deals with ethnic and religious affiliation as a factor in the perception of democracy.

Key words: ethnic and religious affiliation; perception of democracy.

В процессе демократизации, происходящей в современном российском обществе, встаёт вопрос: как воспринимаются демократические ценности и насколько значимыми они являются для представителей различных народов, живущих на территории нашей страны? От восприятия демократических ценностей гражданами нашего государства зависит успешность становления демократии в России и выбор дальнейшего пути развития государства.

Размышляя о будущем России и русских, А. Солженицын пишет: «Давние черты русского характера – какие добрые потеряны, а какие уязвимые развились – они и сделали нас беззащитными в испытаниях XX века. И наша всегдашняя всеоткрытость – не она ли обернулась и лёгкой сдачей под чужое влияние, духовной бесхребетностью?» Но мало лишь восстановить народное здоровье, считает Солженицын, «нам – чтобы что-то значить среди других народов – надо суметь перестроить характер свой к ожидаемой высокой интенсивности XXI столетия. А мы за всю свою историю – ой как не привыкли к интенсивности» [4, с. 173]. С последним можно поспорить, ибо вся история формирования государства Российского потребовала такой интенсивности, такого напряжения сил, которое и не снилось Западу. Не говоря уж о колоссальных и предельно интенсивных тратах народных сил в страшных войнах этого столетия и на массовых советских стройках. Другой вопрос – с какими ценностями, какими качествами характера входят русские люди в неизведанный поток XXI столетия? Стали ли демократические ценности лично значимыми для россиян? И все ли россияне действительно хотят жить в демократическом государстве?

Так, для россиян во все времена было характерно устойчивое отчуждение большинства населения от власти. В России не было (и нет) развитых механизмов контроля общества за деятельностью власти, а гражданско-правовой статус личности сводился к выполнению обязанностей при отрицании прав. Для России весьма характерным было и остаётся тяготение к "сильной руке" как необходи-

тому условию наведения и поддержания в стране порядка. "Слабая власть всегда вызывала и долго ещё будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад", – писал И. А. Ильин [3, с. 337–344]. Личным свободам в прямом демократическом смысле россияне особого значения не придают. Но не потому, что свобода для них вообще не важна. Просто свобода в российском понимании – это, скорее, возможность вести жизнь "по душе", быть самому себе хозяином, чем реализация каких-либо прав. Согласно православной философии, свобода души – это не просто отсутствие внешней зависимости, а наличие положительного содержания, нравственное самоопределение личности, нравственное самосознание. "Властвовать может лишь тот, – замечал великий русский философ Н. А. Бердяев, – кто властвует над собой" [1, с. 467]. Но Россия многонациональная страна, и на развитие в ней демократии влияют культуры всех населяющих ее народов.

В кросс-культурной психологии и смежных дисциплинах существуют исследования, указывающие на то, что базовые ценности культуры влияют не только на экономическое развитие, состояние здоровья популяции, продолжительность жизни, ощущение благополучия и счастья, но и на изобретательность и инновационные диспозиции личности, что является немаловажным фактором для развития демократии. Результаты исследований в США показали, что индивидуалистические и не-иерархические («горизонтальные») общества более изобретательны и более склонны к инновациям. Это неудивительно, поскольку психологические характеристики инновационной деятельности требуют определенной среды – равенства в отношениях, одинаковых возможностей для всех, поощрения индивидуального развития, наличия некоторой степени свободы, хороших коммуникаций, в частности возможности свободно выражать свои мысли и чувства.

В другом международном исследовании влияния социокультурной среды на креативный потенциал американских, российских и иранских студентов было выявлено, что американские и российские студенты обладают более выраженной способностью генерировать оригинальные решения поставленной проблемы по сравнению со своими иранскими сверстниками.

В 2008 гг. было проведено эмпирическое исследование взаимосвязи культурных ценностей индивида с установками по отношению к инновациям в России и Канаде [2, с. 81–92]. В исследовании не было выявлено значимых различий в установках по отношению к инновациям между русскими и канадскими студентами.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Опыты по психологии войны и национальности // Бердяев Н. А. Судьба России: сочинения. – М., 2000. – С. 151–187.

2. Лебедева Н. М. Ценности и отношение к инновациям российских и канадских студентов // Психологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 81–92.
3. Национальная идея как фактор обеспечения социально-политической и экономической стабильности российского общества: материалы международной научно-практической конференции / под ред. А. Л. Елисеева. – Орёл : Орёл ГТУ, 2001. – С. 337–344.
4. Солженицын А. С. Россия в обвале. – М., 1998. – С. 160

ОБРАЗ ЧУЖОГО В МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ УСТАНОВКАХ

С. И. Баляев, В. А. Хохлов
Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва, г. Саранск,
Республика Мордовия, Россия

Summary. The article deals with the psychological characteristics of the social perception of different confessions. Particular attention is paid to identifying the causes of negative content heterosterotypes.

Key words: social perception of different confessions; heterosterotypes.

Одно из ключевых мест в анализе проблем конфессиональной стереотипизации занимает выстраивание образов конфессионального «чужого», «иноверца», «врага». Мы понимаем необходимость именно комплексного междисциплинарного подхода к данной проблеме. Однако так сложилось, что рассмотрение данного аспекта оказалось во внимании прежде всего историков и этнографов, и лишь в последние годы приобретает интерес у социальных психологов.

Так, И. Д. Сахурия отмечает, что в отличие от греческой античности, в которой этико-вероисповедательный признак в формировании Образа Чужого не имел определяющего значения, на Древнем Востоке он играл большую роль. В связи с утверждением иудаизма и зороастризма именно этот признак становится важнейшим в формировании образа Чужого, равно как и Собственного. Для иудея и перса Чужой – это, прежде всего, тот, кто исповедует другую религию, а уже потом – говорит на другом языке. Связано это было, прежде всего, с появлением и широким распространением христианства и, позднее, мусульманства, которые вобрали этот древневосточный принцип построения Образа Чужого. И, соответственно, в основе формирования образов Собственного и Чужого лежал религиозный принцип [3]. Интересно при этом отметить, что Образ Чужого вовсе не был однороден и неизменен. Так, историки выделяют несколько вариантов Образа Чужого, характерных для западноевропейского средневековья. Это образы Чужого как мусульманина, Чужого как иудея, Чужого как язычника, Чужого как

еретика и Чужого как византийца (или христианина, но не католика). В последнем случае Образ Чужого имел умеренно негативную окраску, близкую к нейтральной, так что представлял собой скорее даже Образ Иного, нежели Чужого в собственном смысле.

Обвинения в адрес «иноверцев» имели достаточно стереотипный набор признаков. К примеру, в сибирских церковных источниках XVIII в. мусульмане обвинялись «во всех грехах»: в чародействе и колдовстве; в глумлении над телами православных; в обманном совращении в магометанство, надругательстве над иконами и др. Как отмечает В. П. Ключева, ислам в доношениях священников часто назывался «магометанским зловерием» или же «богомерзким магометанским зловерным нечестием» [2]. В мировоззрении человека традиционной культуры элементы религиозной веры переплетались с мощным слоем архаических верований и представлений, которые были погружены в атмосферу не логических, но мистических возможностей. О. В. Белова, изучив образ иноверца и инородца у восточных славян по фольклорным данным, пришла к следующим выводам относительно признаков конфессионального «чужого». Во-первых, у «чужого» нет души (в лучшем случае есть только пар, пара – как у животных). Поэтому он изначально является не в полной мере человеком и, следовательно, имеет «звероподобные» или свойственные демоническим существам черты («душа во всяком человеке, какой бы он ни был народности, одинакова, но при этом христианская душа светлая, все остальные – тёмные») [1]. Иноплеменникам приписываются сверхъестественные свойства (способности к оборотничеству, магии и колдовству, чаще вредоносному), которыми они обладают в силу своего «родства» с нечистой силой. Во-вторых, внешность. Как отличительные признаки расцениваются: специфический запах, якобы присущий иноверцам и инородцам, цвет волос (особенно рыжий и чёрный), незаметные на первый взгляд физические особенности. К другим особенностям «чужаков» относится поведение и обычаи, резко отличающиеся от «своих». В то же время, отмечает О. В. Белова, в народной культуре славян отчётливо представлен амбивалентный образ «чужого», сочетающий негативные и положительные признаки. Без «чужих» – никуда. Однако наряду с представлениями об опасных магических способностях «чужих» существовал в народной культуре и целый комплекс верований о «благодатности», положительности магического воздействия инородцев или иноверцев на различные сферы хозяйственной и личной жизни. Двойственность в отношении к «чужим» ярко проявляется в фольклорных обрядовых играх, где действуют маски инородцев или иноверцев [1].

Необходимо согласиться с мнением, что не следует говорить о выстраивании «образа врага», позволявшем применять в отношении его жёсткие меры. Часто противопоставление на уровне Свои

(православные, христиане) и Чужие (мусульмане) выражалось в наименовании «противной стороны» идолопоклонниками, демонопоклонниками, нечистыми, погаными и др. Чужие изначально рассматриваются как враждебная сила, потенциально угрожающая благополучию собственной группы (в нашем случае – конфессиональной группы). Страх дискриминации или уничтожения нередко побуждал к упреждающим действиям не только защитного, а прежде всего агрессивного, захватнического характера.

Библиографический список

1. Белова О. В. «Чужие» среди «своих»: славянский образ "инородца" в приметах и легендах // Родина . – 2001. – № 1/2. – С. 166–170.
2. Ключева В. П. Православие и ислам в Западной Сибири (конец XVII – середина XVIII в.): проблемы взаимодействия // Вестник археологии, антропологии и этнографии – 2005. – № 5. – С. 12–16.
3. Сахурия И. Д. О роли религиозного фактора в формировании Образа Чужого // Дневник Алтайской школы политических исследований. № 22. Современная Россия и мир: альтернативы развития. – Барнаул : Изд-во Алтайского ун-та, 2006. – С. 53–58.

СООТНОШЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО И ЭТНИЧЕСКОГО В СОЗНАНИИ ЧУВАШЕЙ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. М. Лемешева

**Казанский государственный университет культуры
и искусства, г. Казань, Россия**

Summary: This article considers the question of the relationship of the religious and ethnic in the minds of the Chuvashes of the Samara region. This aspect is particularly relevant in the context of the study on the regional features of the development of culture in the modern Russian society.

Key words: culture religion; ethnic consciousness; paganism.

Большинство исследований по социологии религии строятся на метапарадигмах Э. Дюркгейма и М. Вебера.

В основе религиозной концепции Э. Дюркгейма находится представление о религии как о «социальном факте», главной задачей которого является «интеграция акторов в единую социальную общность» [1]. На наш взгляд, это утверждение является определяющим при анализе соотношения этнического и религиозного в сознании современных россиян. Развивая точку зрения Дюркгейма, Э. Фромм отмечает, что религиозные ценности выполняют важнейшие социальные функции внутри этноса – «соединения этнической, этнопсихологической и культурной целостности народа и лично-

сти» [2, с. 14], а также защиты от потрясений, сопровождающих инновационное развитие.

Самарская область – это один из немногих регионов России, где проживает довольно компактная общность чувашей, сохранивших традиционное национальное вероисповедание, что позволило провести на её территории социологическое исследование методом глубинного интервью. Цель его – рассмотреть соотношение религиозного и этнического в сознании чувашей Самарской области.

В качестве территориальных границ для исследования выступили села Чувашское Урметьево и Старое Афонькино, расположенные в Шенталинском районе, на границе Самарской области и Татарстана. Чувашское Урметьево – мононациональное село с чувашским населением. В Старом Афонькино отмечено совместное проживание чуваш и русских: левая часть села считается языческой, правая – православной. Язычество исповедуется чувашами данных сёл открыто. Административные органы не запрещают им ставить надгробия с языческой символикой и изображениями духа усопшего родственника. Не используются в хозяйственных целях Кереметь – рощи, в которых молятся язычники. В местной печати было опубликовано несколько статей, рассказывающих о праздниках чувашей-язычников [Т. Пуш, 3; О. Чеволдаева, 4]. В опросе приняло участие 15 человек.

В ходе исследования было выявлено, что язычество для чувашей выступает как основа сохранения своей национальной принадлежности и идентичности. Это поддерживается и региональными властями, заинтересованными в сохранении за Самарской областью статуса поликультурного региона. С другой стороны язычество находится в основе экономической и хозяйственной деятельности чувашей. В традиционных чувашских семьях сохраняется матриархат, основанный на системе языческих представлений о главенстве в мировом пространстве женского начала – матери-Земли. Женщина в таких семьях выполняет не только роль духовного «лидера» семьи, но и обеспечивает её материальное благополучие наравне с мужчиной.

Женщина, 61 год: «Всё у нас перемешалось. Конечно, и это не хорошо, но в то же время я горжусь тем, что мой народ, несмотря на многие беды, пронёс свою веру и культуру сквозь века. Эта вера более древняя, чем христианство, и досталась она нам в наследство от наших предков. Язычество – это очень многое в нашей национальной культуре».

Мужчина, 21 год: «Я к язычеству не приходил, всю жизнь оно меня окружало. Я в нём живу, я в это верю. Для меня – это моя вера, это всё равно, что моя национальность. Она мне матерью и отцом, матерью-Землёй дана. Я не могу её, так же как и семью, поменять».

Женщина, 61 год: «Я язычница с детства. Даже те члены моей семьи, что принимали обряд крещения, параллельно соблюдают и

некоторые языческие обряды, так как они являются частью нашей культуры. Это касается всех мероприятий: свадеб, похорон, новоселья, выбора имени ребёнку и многого другого».

Женщина, 31 год: «Среди чувашек особенно популярны легенды и сказки, которые говорят о том, что женщины всегда своей хитростью могли управлять мужьями и всегда добивались своего. Даже мать-Земля помогает именно женщинам, мужчины участвуют в наших обрядах и только весной во время первой обработки земли и сева семян. Ещё принято считать, что наши предки выходили в походы вместе со своими женщинами и те наравне с мужьями прекрасно владели луком и были отличными наездниками. До сих пор женщины трудятся наравне с мужчинами, а чаще всего и больше. Русские в нашем селе шутят, что чувашка стоит двух мужчин чуваш по силе и выносливости».

Библиографический список

1. Дюркгейм Э. Социология и теория познания. – М. : Канон+, 2006. – С. 81.
2. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1989. – С. 174.
3. Пуш Т. Вера предков // Жизнь. – Самара, 2001. - №11. – С. 1.
4. Чеволдаева О. Затерянный мир // Волжская коммуна. – Самара, 2001. – № 11–12. – С. 7.

НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ КАЗАХСТАНА (АНАЛИЗ ИТОГОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

А. П. Коновалов

**Семипалатинский государственный университет
им. Шакарима, г. Семей, Казахстан**

Summary. The article contains some results of the sociological survey conducted among residents of one of the largest cities of Kazakhstan with a population over 300. 0 thousand person in Semey city (former Semipalatinsk). The survey is conducted on theme of polyethnic society which is enough actual, on the one hand, and at the same time delicate, on the other hand – about development of national-language situation and about its interaction with other scopes of social being. The article is intended for everyone who is interested in ethnosocial processes.

Key words: national language; national-language situation; sociological survey; national relations; bilingualism; polyethnicism; Kazakh linguistics; Russian linguistics.

Центр социального мониторинга и прогнозирования (ЦСМП) Семипалатинского государственного университета (СГУ) имени Шакарима регулярно замеряет общественное мнение о развитии национально-языковой ситуации, распространении казахского (является государственным), русского (официальный, не имеет статуса госу-

дарственного) и других (официального статуса не имеют) языков, а также об отношениях, которые складываются между носителями указанных языков.

Город Семей (бывший г. Семипалатинск) имеет ярко выраженную полиэтническую структуру. В нём проживают более ста национальностей. Наиболее многочисленная группа населения города представлена казахами (более 70 %), затем следуют русские (около 20 %) и другие (10 %).

К приведённой статистике следует добавить национально-языковую специфику, сформировавшуюся за годы Советской власти в этноказахской среде города. Данная специфика выражается, прежде всего, в том, что большая часть казахского населения региона в недавнем прошлом в основном использовала русский язык (получили образование, работали на производстве, общались в этнокультурной среде). Например, по переписи 1989 года 62,2 % казахов использовало русский язык как родной, а среди русских владели казахским на том же уровне только 0,02 %. Ниже мы расскажем, какое влияние на развитие национально-языковой ситуации продолжает сегодня оказывать данная специфика.

Итак, очередной опрос проведён в декабре 2011 года. В нём приняли участие 412 взрослых жителей региона. Они достаточно полно представили социальную демографию города, а также его территорию. В частности, опросом охвачено 48 улиц и микрорайонов Семей. Ограниченные рамки настоящей статьи, к сожалению, не позволяют продолжать детализацию репрезентативности опроса. Заметим только, что это не первое исследование по данной и другим темам, которое провёл ЦСМП в данном регионе. За двадцать лет работы мы достаточно хорошо отшлифовали методику мониторинга, а потому считаем, что полученные данные по итогам искомого исследования вполне можно считать квалифицированным отражением мнения большинства взрослого населения города.

Опрос проводился на казахском и русском языках. В этой связи нам удалось дифференцировать казахов на «казахо-язычных», т. е. в основном говорящих и читающих на госязыке, и «русско-язычных» – как правило читающих и пишущих на русском языке. Такая дифференциация оказалась весьма полезной, в чём читатель может убедиться сам, знакомясь с результатами опроса.

Прикладное значение полученных данных опроса заключается прежде всего в том, что они реально показывают уровень и характер современной языковой обстановки в регионе и позволяют оценивать перспективы её развития. Это с одной стороны. С другой стороны, результаты исследования показывают, какие меры ещё надо принимать, чтобы жители города чувствовали себя комфортнее в полиязычной обстановке, а также в русле тех политических требований, которые сегодня предъявляются к распространению государственного языка.

Анализ начнём с результатов ответов респондентов на первый вопрос анкеты. Вопрос общий, касался выявления рейтинга общественно-значимых проблем (ОЗП) и места в нём языковой и межнациональной ситуаций. Что из этого получилось, показано в таблице 1.

Таблица 1

**Рейтинг общественно-значимых проблем,
беспокоящих респондентов,
в % (* – одинаковые значения)**

№ п. п.	Наименования первых два- дцати обще- ственно- значимых проблем	По г. Се- мей	В том числе			
			Казахи (казахо- язычные)	Казахи (русско- язычные)	Русские	Другие
1.	Рост цен	58,0	52,0	56,9	65,6	68,0
2.	Безработица	36,9	40,7	37,4	34,4	24,0
3.	Платное медоб- служивание	27,7	17,9	27,6	37,8	40,0
4.	Качество медоб- служивания	27,4	35,8	26,4	21,1	16,0
5.	Состояние эколо- гии	26,5	33,3	28,2	14,4	24,0
6.	Коррупция	25,5	23,6	32,2	14,4	28,0
7.	Платное образова- ние	23,3	23,6	27,0	17,8	16,0
8.	Состояние улиц и дорог	22,1	19,5	25,9	15,6	32,0
9.	Преступность	19,9	26,0	17,8	17,8	12,0
10.	Религиозный экс- тремизм	18,9	22,8	22,4	8,9	12,0
11.	Качество образо- вания	18,2	17,1	18,4	17,8	24,0
12*.	Языковые про- блемы	16,3	13,8	11,5	26,7	24,0
12*.	Слабое здоровье	16,3	17,9	12,6	21,1	16,0
13.	Алкоголизм	14,8	13,8	10,3	22,2	24,0
14.	Нарушения прав человека	13,1	11,4	14,9	12,2	12,0
15.	Жилищные усло- вия	12,9	11,4	11,5	17,8	12,0
16.	Насилие и жесто- кость	12,9	13,8	14,9	7,8	12,0
17.	Общая культура	10,9	7,3	14,4	11,1	4,0
18.	Отток сельских жителей в города	10,7	8,1	10,3	13,3	16,0
19.	Задержка с вы- платой зарплаты	10,4	4,1	14,4	12,2	8,0
20.	Наркомания	9,7	9,8	9,8	10,0	8,0

Мы показали первые двадцать из более тридцати ОЗП, отмеченных респондентами. Чем привлекает внимание предложенная аналитика?

Во-первых, население беспокоят многие «раздражители» материального, социального, экологического, духовного и пр. содержания.

Во-вторых, имеются проблемы, которые больше других беспокоят население: рост цен, безработица, платное медобслуживание, качество медобслуживания, экология, коррупция, платное образование, состояние улиц и дорог, преступность, религиозный экстремизм – это первый десяток ОЗП.

В-третьих, языковые проблемы находятся на двенадцатом месте в рейтинге ОЗП. Их отметили 16,3 % опрошенных. Что касается межнациональных отношений то они, как проблема, оказались актуальными лишь для пяти процентов опрошенных и в рейтинге ОЗП находятся на двадцать шестом месте

Таким образом, языковые проблемы по уровню значимости не сопоставимы, скажем, с такими ОЗП, как рост цен и безработица. С другой стороны, они остаются достаточно актуальными. Хотя бы по той простой причине, что не находятся в конце рейтинга ОЗП. Это обстоятельство, на наш взгляд, как раз и требует того, чтобы мы более подробно познакомились с тем, что конкретно вызывает определённую обострённость в ощущениях среди населения по поводу национальных языков, заодно повнимательней посмотрели на межнациональную ситуацию.

В таблице 2 мы систематизировали результаты опроса, уточняющие оценки характера межнациональных отношений.

Таблица 3

Оценки состояния современной межнациональной ситуации, отношений между людьми разных национальностей, в %

Результаты ответов только по варианту «благоприятная»	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
1. По месту жительства, учебы, работы	81,1	78,0	82,2	81,1	88,0
2. В Семее	77,9	72,4	82,2	76,7	80,0
3. По Казахстану в целом	74,3	81,3	74,7	65,6	68,0
4. По Восточно-Казахстанской области	73,5	69,1	76,4	72,2	80,0

Как видим, в таблице преобладают позитивные оценки. Наверное совсем не случайно, что межнациональные отношения в общественно-значимой проблематике находятся на последнем месте. Ещё более важно, что более высокими оказались оценки состояния национальных отношений по месту жительства, учёбы и работы. То есть та полиэтническая аура, которая окружает респондентов ежедневно и не может выглядеть абстрактной, в отличие, скажем, чем по Казахстану в целом, которой наши респонденты могут больше судить из репортажей в новостях и других передач, рубрик СМИ.

Тем не менее, нельзя не замечать, что при доминировании позитива в межнациональных контактах мы здесь не наблюдаем стопроцентной удовлетворённости. То есть имеются респонденты, в среднем более 10 %, которые сталкивались не с самыми лучшими сторонами полиэтнических отношений. Не случайно, например, что на вопрос, сталкивались ли вы лично со случаями, когда незнание казахского или русского языков становились причиной ущемлений или конфликтов, 31,6 % опрошенных сказали – «да».

Природа такого рода конфликтов больше связана с уровнем общей культуры людей. К сожалению, как показывают исследования, далеко не все наши горожане в межчеловеческих контактах могут регулярно проявлять уважение, такт и доброжелательность. Часто именно элементарная несдержанность порождает конфликт. А если это люди разных национальностей, то и – межнациональный конфликт.

Разумеется, имеются и чисто этнические обстоятельства, которые объективно обостряют межэтнические парадигмы. О них мы также подробнее поговорим ниже.

Более острой проблемой, как мы уже выше отмечали, сегодня остаётся языковая проблема. Хотя её содержание развивается противоречиво.

Главным моментом в современной языковой проблеме остаётся уровень распространения казахского языка как государственного. Дело в том, что после принятия закона о языках в 1989 г. прошло более двадцати лет, однако функции казахского языка не достигли желаемых эффектов: язык ещё не стал повсеместным средством делопроизводства, технологии, науки, производства и массовой коммуникации. На примере аналитических таблиц 3 и 4 это обстоятельство рельефно подтверждается и нашими исследованиями.

Таблица 3

Респонденты о владении языками, в %

Вопросы и ответы	По г. Се- мей	В том числе			
		Казахи (казахо- язычные)	Казахи (русско- язычные)	Русские	Другие
1. Какими языками Вы владеете в совершенстве...					
Русский	75,5	47,2	81,6	98,9	88,0
Казахский	64,1	95,9	78,7	2,2	28,0
Другие	6,8	3,3	5,2	7,8	32,0
2. Какой язык Вы считаете своим родным языком...					
Казахский	70,4	99,2	94,3	2,2	8,0
Русский	27,2	-	5,7	97,8	56,0
Другие	2,4	0,8	-	-	36,0

Таблица 4

Об уровне владения казахским языком, в %

Варианты ответов	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахо-язычные)	Казахи (русско-язычные)	Русские	Другие
Говорю и читаю	62,9	90,2	81,0	4,4	24,0
Понимаю, но не говорю	11,9	-	5,7	33,3	36,0
Использую отдельные слова и выражения	11,7	3,3	4,6	33,3	24,0
Говорю	6,6	8,1	6,3	4,4	8,0
Пользуюсь словарем	4,6	1,6	2,3	11,1	12,0

Как видим, среди казахов имеются многие, кто не пользуется родной литературной лексикой, родным литературным письмом. Почти 19 % используют только русский язык.

Среди русских картина со знанием казахского языка меняется медленно. Мы имеем в виду увеличение числа тех, кто в совершенстве знает казахский язык. Однако ниже мы убедимся, что представители славянского этноса постепенно адаптируются к казахско-русскому билингвизму, осваивая государственный язык, причём больше в практике общественной жизни, а не за академическим столом. В таблице 5 на этот счёт приведены весьма убедительные доказательства.

Таблица 5

Анализ изучения семейчанами языков, в %

Варианты ответов (рейтинг)	По г. Се- мей	В том числе			
		Казахи (казахо- язычные)	Казахи (русско- язычные)	Русские	Другие
Вообще не изучают языки	55,1	55,3	48,3	65,6	64,0
Английский	29,1	27,6	35,6	20,0	24,0
Казахский	27,2	29,3	30,5	17,8	28,0
Русский	18,4	19,5	21,8	13,3	8,0
Немецкий	2,7	2,4	0,6	6,7	4,0
Французский	1,5	0,8	2,3	1,1	-
Другие	1,5	-	2,9	-	4,0

Среди тех, кто изучает сегодня языки, в том числе казахский, больше всего (более 80-ти процентов) – это студенты, а также молодые люди в возрасте до 30 лет. Что касается 40–60-летних то для них, как мы уже замечали выше, аудиторией изучения языков остаётся «улица», то есть практика ежедневных межнациональных контактов. Ниже в таблице 6 достаточно подробно продемонстрирована такая практика, которая, на наш взгляд, показывает свою весьма высокую результативность.

Таблица 6

О языках общественной коммуникации, в %

№ п. п.	Варианты ответов на вопрос, на каком языке Вы говори- те...	По г. Се- мей	В том числе			
			Казахи (казахо- язычные)	Казахи (русско- язычные)	Русские	Другие
1. С членами семьи...						
	На казахском	44,7	81,3	45,4	3,3	8,0
	На русском	35,0	3,3	20,1	94,4	80,0
	На казахском и рус- ском	19,7	14,6	34,5	2,2	4,0
	На других	0,5	-	-	-	8,0
2. С соседями						
	На русском	40,5	15,4	27,6	90,0	76,0
	На казахском и рус- ском	35,0	35,8	51,7	6,7	16,0
	На казахском	24,5	48,8	20,7	3,3	8,0
	На других	-	-	-	-	-
3. На работе, учёбе						
	На казахском и рус- ском	38,8	44,7	53,4	10,0	12,0
	На русском	37,4	9,8	27,0	85,6	72,0

На казахском	18,9	39,0	14,4	3,3	8,0
На других	0,2	0,8	-	-	-
4. В общественном транспорте					
На русском	40,3	15,4	28,2	87,8	76,0
На казахском и русском	38,6	41,5	56,3	7,8	12,0
На казахском	19,4	41,5	13,8	3,3	8,0
На других	-	-	-	-	-
Средние значения:					
На русском	37,9	11,3	25,0	89,0	75,4
На казахском и русском	33,7	34,7	50,1	7,0	10,9
На казахском	26,9	52,3	23,8	3,3	8,0
На других	0,3	0,1	-	-	3,4

Судя по представленным данным, казахско-русский билингвизм больше свойственен казахам. Что касается русских, то данное обстоятельство для них остаётся не самым характерным явлением.

В таблице 7, на наш взгляд, отражены некоторые причины того, почему языковой билингвизм больше свойственен казахам, а не русским. Дело в том, что русский язык остаётся лидером в образовании, в производстве и средствах массовой информации. По крайней мере, к русскому языку обращаются даже многие казахи при реализации своих интересов.

Таблица 7

Об основных языках образования, производства и СМИ, в %

№ п. п.	Варианты от- ветов по пово- ду использо- вания языков	По г. Се- мей	В том числе			
			Казахи (казахо- язычные)	Казахи (русско- язычные)	Русские	Другие
1. При обучении в школе						
Русский		46,8	15,4	43,1	87,8	80,0
Казахский		33,5	64,2	30,5	4,4	8,0
Казахский и русский		15,0	16,3	20,7	4,4	8,0
Другой		-	-	-	-	-
2. При обучении в колледже, вузе						
Русский		49,8	18,7	50,0	86,7	68,0
Казахский и русский		22,3	36,6	22,4	5,6	12,0
Казахский		20,9	35,8	20,1	4,4	12,0
Другой		0,2	0,8	-	-	-
3. При чтении газет и журналов						
Русский		48,8	19,5	40,8	95,6	80,0
Казахский и русский		28,4	39,0	37,9	1,1	8,0
Казахский		20,9	38,2	20,1	2,2	8,0
Другой		0,5	1,6	-	-	-
4. На работе						
Казахский и русский		36,7	45,5	47,1	8,9	20,0

Русский	36,2	8,1	27,0	85,6	60,0
Казахский	16,7	31,7	14,9	2,2	8,0
Другой	0,5	1,6	-	-	-
5. При просмотре телепередач					
Казахский и русский	41,7	56,9	51,7	6,7	24,0
Русский	42,0	12,2	34,5	90,0	68,0
Казахский	15,0	29,3	12,6	2,2	8,0
Другой	0,2	-	0,6	-	-
Средние значения:					
Русский	37,3	12,3	35,6	87,6	67,3
Казахский и русский	24,0	39,2	37,4	6,7	16,7
Казахский	17,8	39,3	20,0	3,3	8,7
Другой	0,3	0,7	0,3	-	-

Как видим, даже среди казахоязычных респондентов оказалось более пятидесяти процентов тех, кто использовал, использует русский язык в таких важнейших сферах жизни, как образование и СМИ. В то время как, например, среди русских, пользующихся казахским языком в указанных областях – всего 10 %.

Тем не менее, мы решили с помощью горожан выяснить, насколько изменилась роль казахского языка в общественной и государственно-управленческой коммуникации. Данные на сей счёт мы разместили в таблице 8, из которой следует однозначный вывод: казахский язык уверенно занимает своё место в общественной коммуникации, в работе госорганов, даже в деятельности промышленных предприятий. Абсолютное большинство респондентов подтверждает, что существенно возрос удельный вес населения, владеющего им, в том числе среди русских и других национальностей.

Таблица 8

Респонденты об изменениях в роли казахского языка, в %

Только значения ответов «Возросло», «Увеличилось»	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
В целом количество населения, знающего казахский язык	69,4	87,8	65,5	55,6	56,0
Количество казахов, знающих казахский язык	66,3	76,4	67,8	51,1	60,0
Количество русских и других национальностей, знающих казахский язык	56,6	62,6	62,6	42,2	36,0
Функционирование казахского языка в госструктурах	68,7	54,5	72,4	76,7	84,0
Функционирование казахского языка в поликлиниках и больницах	59,5	57,7	52,3	73,3	68,0
Функционирование казахского языка в других сферах	46,1	47,2	40,2	51,1	64,0

ского языка в общественном транспорте					
Функционирование казахского языка в печати, теле-, радиопередачах	73,8	72,4	74,7	72,2	80,0
Использование казахского языка в делопроизводстве, оформлении документов	73,5	69,1	73,0	76,7	88,0
Использование казахского языка в работе промпредприятий	46,8	41,5	46,6	54,4	48,0
Использование казахского языка в названиях улиц, в рекламе и объявлениях	67,2	62,6	66,7	73,3	72,0

Интересные, сопутствующие распространению казахского языка межэтнические явления мы наблюдаем в нашем регионе. Они говорят о том, что между людьми разных национальностей укрепляются связи. Речь идёт, к примеру, о дружественных и родственных отношениях, которые показаны в таблице 9.

Таблица 9

**Респонденты о дружественных и родственных
межэтнических связях, в %**

Только варианты с положительными ответами	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
Имеются...					
родственники другой национальности	52,4	30,9	52,9	71,1	88,0
друзья другой национальности	82,3	65,0	86,8	93,3	96,0
Породнились или готовы породниться с представителями других национальностей	48,8	33,3	44,2	66,6	92,0

Именно дружеские, родственные связи между представителями разных национальностей укрепляют основы такого понятия, как «казахстанцы».

В таблице 10 мы продолжаем анализ языковой проблемы на примере характера удовлетворённости респондентами уровнем функционирования их родного (национального) языка.

Таблица 10

**Удовлетворенность респондентами характером
функционирования родного языка, в %**

Рейтинг только варианта «скорее удовлетворяет характер функционирования родного языка...»	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
В школьном образовании	76,2	89,4	73,6	70,0	52,0
В теле-радио передачах	75,0	78,9	74,1	76,7	56,0
В издании газет и журналов	72,1	78,9	67,8	77,8	48,0
В колледжах, вузах	65,8	72,4	64,9	63,3	48,0
В вывесках с названиями улиц и площадей	62,1	57,7	62,1	72,2	48,0
В рекламе, объявлениях	60,2	56,9	57,5	72,2	52,0
При обращении в государственные органы власти и управления	56,8	54,5	58,0	61,1	44,0
В делопроизводстве, оформлении документов	55,3	56,1	58,0	52,2	44,0

Из полученных данных видно, что самым проблематичным остаётся применение национального языка в делопроизводстве. Однако, как показывают данные в таблице 11, наиболее существенной стороной языковой проблематики остаётся недостаточное знание казахстанцами государственного языка.

Таблица 11

**Отношения респондентов к казахстанцам,
не овладевшим казахским языком, в %**

Рейтинг значений «Отрицательно...»	По г. Се- мей	В том числе			
		Казахи (казахо- языч- ные)	Казахи (русско- языч- ные)	Рус- ские	Дру- гие
Отрицательно относятся к не овладевшим казахским языком...					
Среди казахов	45,4	51,2	56,9	17,8	36,0
Среди русских	21,1	34,1	23,6	3,3	4,0
Среди других национально- стей	18,9	30,9	20,7	3,3	4,0

В таблице 12 предлагаем анализ т. н. болезненности в распространении государственного языка, с одной стороны, и в стремлении этносов сохранить, улучшить статус-кво своего национального языка.

Таблица 12

**О влиянии языковой принадлежности
на реализацию общественных благ, в %
(анализ в разрезе радикальных оценок)**

Только радикальные значения	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
1. «Влияет положительно...»					
На обучение в колледже, вузе	28,2	36,6	31,0	14,4	16,0
На обучение в школе	26,2	36,6	29,3	11,1	8,0
На трудоустройстве (вообще)	26,0	34,1	28,2	12,2	20,0
На занятие собственным делом (бизнесом)	23,3	26,8	27,6	12,2	16,0
На возможность заниматься общественными делами	22,8	26,8	27,0	12,2	12,0
На возможность работать в госструктурах	19,2	20,3	22,4	12,2	16,0
На возможность баллотироваться в маслихат, парламент	15,8	17,1	17,2	12,2	12,0
2. «Влияет отрицательно...»					
На возможность баллотироваться в маслихат, парламент	15,8	17,1	17,2	12,2	12,0
На возможность работать в госструктурах	5,8	2,4	1,1	17,8	12,0
На трудоустройстве (вообще)	5,6	4,1	1,7	13,3	12,0
На возможность заниматься общественными делами	3,6	2,4	1,7	7,8	8,0
На занятие собственным делом (бизнесом)	2,4	1,6	2,3	3,3	4,0
На обучение в колледже, вузе	1,9	1,6	2,3	2,2	-
На обучение в школе	1,5	-	2,9	1,1	-

В частности, болезненность проявляется и в том, что многие горожане, которые не владеют казахским языком, не могут трудоустроиться в некоторые органы государственного управления. Поскольку в них, как известно, требуются билингвисты, по меньшей мере, знающие госязык. Не случайно, что такую проблему больше поднимают респонденты русской национальности (17,8 %).

Далеко не все «на ура!» воспринимают факты массовых переименований улиц и площадей города (таблица 13): с «советских» на

«новые» и с «русских» на «казахские». Более того, здесь мы видим практически полярные точки зрения.

Таблица 13

Отношения к переименованиям населённых пунктов, улиц и площадей, в %

Только значения по радикальным вариантам	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахоязычные)	Казахи (русскоязычные)	Русские	Другие
В целом к переименованиям:					
Положительно	34,2	65,9	27,0	12,2	8,0
Отрицательно	26,2	13,0	19,5	48,9	56,0
С «советских» на «новые»...					
Положительно	31,1	52,8	29,3	11,1	8,0
Отрицательно	28,6	13,8	21,8	55,6	52,0
С «русских» на «казахские»					
Положительно	34,0	61,0	32,2	8,9	4,0
Отрицательно	26,0	12,2	16,7	54,4	56,0

Как известно, Казахстан одна из немногих республик бывшего СССР, где переименования приняли тотальный характер, где данные вопросы решаются ограниченным кругом людей и скоропалительно. Даже название нашего города, которое он носил более 280 лет, изменено за несколько минут при спонтанном стечении обстоятельств и формальном поднятии рук (на одном из собраний актива города, который проводил Президент РК Н. Назарбаев).

Среди интеллигенции города, к примеру, до сих пор обсуждается вопрос: для чего нужно было сносить памятник М. И. Калинину на площади перед мясокомбинатом. Ведь именно благодаря СССР построено уникальное предприятие, долгие годы являвшееся градообразующим, именно благодаря М. И. Калинину город стал приобретать зелёный вид. Более того, именно М. И. Калинин подписал в 1920 году указ об образовании казахской автономии и т. д.

В таблице 14 показаны оценки респондентов по организации и качеству обучения казахскому языку. В целом они тянут на «посредственно».

Оценки по пятибалльной шкале организации и качества обучения казахскому языку, в % (средние баллы)

Варианты	По г. Семей	В том числе			
		Казахи (казахо-язычные)	Казахи (русско-язычные)	Русские	Другие
В школах	3,85	4,02	3,97	3,30	3,56
В колледжах, вузах	3,67	3,78	3,77	3,26	3,39
По месту работы горожан	3,20	3,18	3,33	3,02	3,00
На других городских курсах	3,40	3,35	3,53	3,24	3,19

Выше мы уже приводили данные опроса, что сорок процентов респондентов изучают казахский язык в колледжах, вузах, на курсах или самостоятельно. По другим данным, мы также видели, насколько неэффективным оказывается это обучение. К примеру, все обучающиеся проходят курс практического казахского языка, однако результативность этого курса, как видим, приближается к нулю (только 4,4 % русских в совершенстве владеют казахским языком). Следовательно, имеются все основания утверждать, что методика и качество обучения госязыку – это проблема № 2, после проблемы, связанной с усилением мотивации к его изучению в добровольном порядке.

Ещё несколько замечаний по организации изучения госязыка. Дело в том, что более 50 процентов населения никак не изучают казахский язык. Да им это особенно и не нужно. Поскольку среди них – престарелые, пожилые и неработающие люди. Другая часть – это работающие казахстанцы, которые могли бы активнее заняться изучением казахского языка, если бы им в этом оказать действенную помощь. К примеру, речь идёт о возможностях обучения в рамках предприятия, организации, учреждения. Надо создать такие курсы и посещение их превратить в дело «чести», «долга» и «патриотизма». Тем более, что опыт такого рода «ликбеза» имеется в истории нашей страны. В частности, мы можем найти массу подтверждений, когда за 20 лет, с 1918 по 1937 годы, более 60 % казахов научились читать и писать.

В таблице 15 приведены данные опроса по поводу религиозных убеждений, взглядов. Точнее, речь идёт о связях религиозных отношений с этическими. Хотим мы того или нет, но именно в приверженности к религии проявляется этнодифференцирующая суть верований. Во-первых, даже по представленным данным нетрудно заметить, насколько религия этнодифференцирует население. К примеру, на вопрос, считаете ли вы себя верующим человеком, около 70 % казахов сказали «да». А на вопрос, к какой религии себя от-

носите, уже 90 % этой же категории отметили – к Исламу. То же самое можно наблюдать и среди русских респондентов.

Во-вторых, глубина религиозных верований также является весьма относительной. К примеру, у абсолютно большей части опрошенных религиозность заканчивается соблюдением крупных праздников, содержание которых давно превратилось в общенародное (Пасха, Ураза и т. д.), поскольку их атрибуты связаны с проявлением доброты и милосердия. Кроме того, их соблюдение насыщено всякого рода угощениями, едой. Что делает их ещё более привлекательными и народными. В отличие, например, от регулярного чтения молитв, священных книг. Чем, как видим, увлекается уже гораздо меньшая часть опрошенных.

Таблица 15

**Этнодифференцирующие свойства
религиозных предпочтений, в %**

Вопросы и ответы	По г. Се- мей	В том числе			
		Казахи (казахо- языч- ные)	Казахи (русско- языч- ные)	Рус- ские	Дру- гие
1. Считают себя верующими	70,4	68,3	77,0	62,2	64,0
2. К какой религии Вы себя относите (без варианта «я неверующий»)...					
Ислам	70,9	98,4	87,9	7,8	44,0
Христианство	19,4	-	1,1	78,9	28,0
Буддизм	0,2	0,8	-	-	-
Католицизм	0,2	-	-	-	4,0
Другие	0,7	0,8	0,6	-	4,0
3. Каким религиозным атрибутам Вы отдаёте предпочтение (без варианта «я неверующий»)...					
Праздники (Пасха, Ураза и др.)	71,8	56,1	77,6	82,2	72,0
Регулярные посещения религиозных храмов	20,6	17,9	24,1	17,8	20,0
Соблюдения постов	23,3	44,7	19,0	5,6	12,0
Культовые предметы дома, в машине, на теле	15,3	4,1	17,2	27,8	12,0
Регулярное чтение молитв	14,6	22,8	16,1	3,3	4,0
Регулярное чтение священных книг	6,6	12,2	5,2	2,2	4,0
Паломничество	5,1	12,2	1,7	3,3	-
Ношение одежды, соответствующей вере	1,9	3,3	2,3	-	-

Следующие материалы (таблица 16) отражают одновременно и простые, и сложные явления полиэтнической среды.

**Респонденты об отношениях к полиэтнизму
и национально-языковой перспективе, в%**

Вопросы и ответы (приведены наиболее ради- кальные значения)	По г. Се- мей	В том числе			
		Казахи (казахо- языч- ные)	Казахи (рус- ско- языч- ные)	Рус- ские	Дру- гие
1. Какое окружение для Вас представляется более комфортным...					
Многонациональное, говорящее на казахском и русском языках	35,2	35,2	45,4	35,6	24,0
Многонациональное, но в основ- ном говорящее на казахском языке	21,4	21,4	17,2	-	-
Многонациональное, но говоря- щее в основном на русском языке	13,3	13,3	6,9	40,0	20,0
2. Нужно ли, на Ваш взгляд, в средствах массовой информации поднимать вопросы о языках, религии и национальных отношени- ях...					
Скорее, да	58,3	76,4	54,6	45,6	40,0
3. Каким Вы видите развитие национально-языковой ситуации в ближайшем будущем...					
Улучшение	57,5	74,0	64,9	26,7	36,0
Обострение	11,4	1,6	5,7	30,0	32,0

Простыми из них можно назвать те отношения, которые меньше всего относят человека к той или иной нации. Именно интернационализм, именно общечеловеческие ценности всегда помогали людям совместно решать социумные проблемы, помогать друг другу, выручать в трудную минуту. Такие примеры в истории изобилуют. Взять, к примеру, депортацию народов СССР на территорию Казахстана. Как вспоминают спецпереселенцы, – корейцы, немцы, чеченцы, представители других народов, благодаря гостеприимству, помощи казахов им удалось выжить в первые трудные времена после прибытия на казахстанскую землю.

Сложности представляют диаметрально разные предпочтения. В частности, среди русских остаётся значительным удельный вес тех, кто предпочитает межэтническую коммуникацию только на русском языке. Что часто и проявляется в действительности.

Далее, мы заметили, что большинство опрошенных считает полезным поднимать в СМИ вопросы о языках, религии и национальных отношениях. С чем трудно не согласиться. Единственно проблематичным остаётся квалификация подачи таких материалов. Ведь любые «проколы» на этот счёт в СМИ могут вызвать противоположный эффект – межэтническое непонимание, а то и конфликт.

Что касается видения респондентами перспектив в развитии национально-языковой ситуации, то здесь имеются разные точки зрения. Имеем в виду – более понятную перспективу с развитием казахского языка и не очень ясную – с русским и другими языками. Такой вывод вытекает из того весьма значительного внимания к госязыку, которое проявляется сегодня на всех уровнях казахстанского общества.

В завершение приводим наиболее характерные замечания и предложения респондентов, вписанные ими в анкетах, которые дополняют картину национально-языковой ситуации в исследованном регионе Восточного Казахстана.

- **Больше бесплатных курсов по изучению казахского языка, в том числе на предприятиях, в организациях и учреждениях.**
- **Развивая казахский язык, не забывать о русском и других языках.**
- **Развивать двуязычие, придать статус государственно-го русскому языку, фактически выполняющему эти функции.**
- **Коренным образом повысить качество обучения казахскому языку.**
- **Повышать доступность к работе в органах госвласти и управления представителям русской и других национальностей.**
- **Качественное изучение казахского языка – с детского сада.**
- **Уважение, такт, терпение и не спешить в развитии национально-языковой ситуации.**
- **Добиться, чтобы все казахи владели родным языком.**
- **Готовить более квалифицированных преподавателей казахского языка.**
- **Нужен грамотный казахский язык в рекламе, вывесках и объявлениях.**
- **Поднять казахский язык до уровня межнационального языка.**
- **Дать возможности всем народам чувствовать себя в Казахстане, как дома, никого не ущемлять, не ограничивать права других этносов.**
- **Уважать людей всех национальностей, любить г. Семей.**
- **Больше рабочих мест, меньше коррупции, алкоголизма, наркомании, других патологий общества!**
- **Больше грамотной литературы для изучающих казахский язык.**
- **Всем мира и процветания!**

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

М. О. Селиванова

Государственный академический университет
гуманитарных наук, г. Москва, Россия

Summary. The ideological and motivation basis of contemporary political terrorism in North Caucasus is regarded. The special attention in the article is given religious and political movement vahhabism.

Key words: North Caucasus; political terrorism; vahhabism; ideological basis.

Россия – полиэтническая и многоконфессиональная страна, обладающая значительным потенциалом региональной конфликтности. Северный Кавказ – специфический регион в составе Российской Федерации. Данный федеральный округ самый маленький, но густонаселён и с многоэтническим составом населения, особым культурным миром.

За последние два десятилетия Северный Кавказ отличается крайней нестабильностью. Напряжённая ситуация связана как с последствиями неэффективной государственной политики в советский период (депортация и репрессии народов, произвольность границ), которая спровоцировала в результате всплеск озлобленности и ряд вооружённых столкновений, так и с общими проблемами, обострившимися в связи с распадом СССР. Одной из таких проблем стала идеологическая дезориентация населения республик Северного Кавказа. Чечня и Дагестан были наиболее сильно подвержены влиянию международных исламских террористов, которые активно использовали религиозный фактор для достижения политических целей.

Без понимания идеологической составляющей политического терроризма невозможно понять побудительные причины деятельности террористов и найти эффективные инструменты борьбы с ним. В связи с этим данная тема представляется остроактуальной.

Цель данной статьи – обозначить идеологическую и мотивационную основу политического терроризма на Северном Кавказе. Это необходимо сделать для решения традиционных проблем данного региона и обеспечения стабильности и безопасности нашей страны.

Современные террористические группировки на Северном Кавказе представлены в основном ваххабитами. Ваххабизм представляет собой консервативное религиозно-политическое течение, оформившееся в Саудовской Аравии в XVIII веке. Основоположником его принято считать Мухаммада ибн Абд ал-Ваххаба. На Северный Кавказ данное религиозное течение стало проникать в XVIII–XIX веках через различных арабских миссионеров и мусульманских религиозных лиц, выезжавших на паломничество в Саудовскую Ара-

вию. Ваххабизм в России отличен от ваххабизма Саудовской Аравии. Адаптировавшись под существующие условия, это течение наибольшее распространение получило в Чечне и Дагестане.

Подавляющее большинство мусульман на Северном Кавказе – сунниты, для которых характерно послушание власти, принцип справедливости правления, базирующийся на признании шариата основой государства, взаимопроникновение религии и политики. В качестве идеологической основы для вербовки в свои ряды новых членов и для оправдания своих насильственных действий ваххабизм использует некоторые положения исламской религии в искажённой трактовке. Первоначально ваххабизм распространялся как религиозное движение, целью которого являлось очищение ислама, однако оно быстро вовлеклось в политическую борьбу за власть и влияние над людьми.

Основные положения современной ваххабитской идеологии рассмотрены ниже.

Строгое соблюдения таухида (единобожия), объявление такфира – обвинение всех мусульман, не согласных с ваххабитами (своё толкование ислама ваххабиты считают единственно верным). Неверные немусульмане называются кафирами и считаются вероотступниками, т. к. не проповедуют ислам, а придерживаются других религий. Ваххабиты отрицают какие-либо новшества в религии (бида). Очень часто ваххабиты называют себя салафитами, которые призывают ориентироваться на образ жизни и веру ранней мусульманской общины.

Исследователь ваххабизма К. С. Гаджиев различает три толкования понятия «джихад». «Большой джихад» означает борьбу каждого верующего с самим собой, против собственного внутреннего врага, против собственных страстей, склонностей, пороков» [2, с. 263]. «Внутренний малый джихад» это война в самом исламском мире. Он означает борьбу против врагов в пределах общины верующих мусульман [2, с. 263]. «Внешний малый джихад» направлен против неверных во внешнем мире, за пределами исламского мира» [2, с. 263]. В изречениях пророка Мухаммеда «внешний малый джихад» считался временным и законченным явлением, а «большой джихад» постоянным, т. к. способствует духовному самосовершенствованию и спасению верующего мусульманина.

Ваххабиты субъективно трактуют понятие «джихад». «В традиционном исламе джихад является процессом нравственного совершенствования и мирных, созидательных усилий верующего» [1, с. 74]. «Джихад предполагает, прежде всего, борьбу человека со своей собственной греховной природой [1, с. 87]». Ваххабитские группировки искажают это понятие, трактуя джихад только как вооружённую борьбу, которая направлена на немусульман или обращена к внешнему миру. В этом коренится идеология насилия террористических

групп на Северном Кавказе. Следует также отметить, что ислам как мировая религия не поощряет агрессию и насилие и никогда не оправдывает войну. В интерпретации вооружённой борьбы джихад возможен был и применялся только в период зарождения и распространения этой религии по отношению к язычникам, которые не имели книг и не обладали знаниями. Джихад не объявлялся по отношению к христианам и иудеям.

Как идеологический инструмент «джихад» (или газават в тюркоязычном мире) способствовал консолидации горцев, а также формированию антироссийской идеологии во время Кавказской войны 1785–1791 под предводительством Шейха Мансура, а также в затяжной Кавказской войне 1817–1864, вдохновителем которой был Шамиль.

На Северном Кавказе идеология ваххабизма активно стала функционировать в середине 90-х годов XX века. Сначала его не воспринимала большая часть населения. «Символом конфронтации между ваххабитами и традиционалистами стало первое столкновение в 1995 г. возле могилы Хеди: ваххабиты хотели её разрушить, тем самым прекратив языческий с их точки зрения обычай» [3, с. 104]. Но постепенно ваххабитское движение разрасталось, спонсировалось из-за рубежа, приобретало известность и активно вербовало молодёжь, поощряя материально. Целью ваххабитов стало не только насильственное распространение религиозных воззрений, но и достижение власти в Чечне и Дагестане, создание на территории этих республик суверенного исламского государства, диктат своей воли по всему Кавказу. Распространению идеологии ваххабизма способствовали и постсоветские условия Северного Кавказа: безработица, социальная напряжённость, экономический упадок, духовная дезориентация, криминализация жизни, религиозная безграмотность большинства.

Д. Дудаев, взявший курс на отделение Чечни от России, сначала принадлежал суфийскому течению ислама, но отказался от него, стал покровительствовать ваххабитам и действовать под их идеологией, т. к. эта идеология смогла объединить расколотое чеченское общество под примитивной, но функциональной идеей джихада, ставшей мощным средством мобилизации народных масс. Также под видом «священной войны с неверными» легко формировался «образ врага» – предвзятое, неприязненное и крайне агрессивное отношение к русским и русской государственности.

Кроме Д. Дудаева идеологию ваххабизма использовали многие политические и военные руководители Чечни и Дагестана – З. Яндарбиев, М. Удуглов, А. Садулаев, Д. Умаров и другие. Особенно ярко опасность идеологии ваххабизма продемонстрировали события августа-сентября 1999 г. в Дагестане и вторая чеченская война.

Источником ваххабизма в России стали различные исламские организации и группировки – «Джихад», «Партия исламского освобождения», «Конгресс народов Ичкерии и Дагестана» и др. Многие из них спонсировались и всячески поддерживались иностранными государствами: Саудовской Аравией, Пакистаном, Ливаном и другими странами, заинтересованными в дестабилизации и ослаблении России.

С одной стороны, ваххабизм – религиозное движение. «С другой стороны, северокавказский ваххабизм можно квалифицировать как политическое движение по следующим ключевым признакам: однозначно отрицательное отношение к существующей власти; стремление к власти – основная стратегическая цель деятельности; наличие идеологии формирования политической системы и программы государственного строительства; тактика борьбы; развитой пропагандистский аппарат и средства агитации» [1, с. 107].

Терроризм под влиянием идеологии ваххабизма приобрёл на Северном Кавказе националистическо-сепаратистский характер.

Таким образом, ваххабизм представляет собой псевдорелигиозную экстремистскую идеологию, которой руководствуются террористы для достижения своих политических целей. В кризисных условиях постсоветской России идеология ваххабизма оказалась востребованной на Северном Кавказе и способствовала разжиганию внутрирелигиозной и межэтнической вражды, т. к. расценивала войну чеченских сепаратистов против России как священную и богоугодную. Кроме этого, ваххабитские террористические группировки очень искусно смогли манипулировать религиозными чувствами народных масс, а также успешно пользовались материальной поддержкой из-за рубежа. На сегодняшний день Северный Кавказ по-прежнему остаётся самым проблемным регионом, т. к. в нём коренится серьёзный очаг терроризма, этнополитической и конфессиональной нетерпимости, который в любой момент может перерасти в новую войну, целью которой опять может стать изменение политической карты Кавказа.

Библиографический список

1. Алиев А. К. , Арухов З. С. , Ханбабаев К. М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. – М. : Наука, 2007. – 583 с.
2. Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. – М. : Международные отношения, 2003. – 464 с.
3. Малащенко А. Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности». – М. : РОССПЭН, 2009. – 150 с.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД

Н. В. Кильберг-Шахзадова

**Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х. М. Бербекова, г. Нальчик,
Кабардино-Балкарская Республика, Россия**

Summary. Article is devoted to a vital theme. The author tried to reveal the social-cultural approach to studying a civil society. Great attention is paid to the concepts: a civil society, institutionalisation, social-cultural approach.

Key words: civil society; institutionalisation; human values; social-cultural approach.

Актуальность данной статьи заключается в рассмотрении социокультурного подхода применительно к гражданскому обществу. Решение проблемы требует, во-первых, раскрыть значение социокультурного подхода в изучении гражданского общества; во-вторых, понятие «институализация» применительно к гражданскому обществу»; дать анализ понятию «гражданское общество».

В связи с этим необходимо решить следующие задачи: обосновать социокультурный подход применительно к гражданскому обществу – с одной стороны; раскрыть процесс институционализации гражданского общества – с другой; определить общечеловеческие ценности гражданского общества – с третьей.

В современной социальной науке этот социокультурный подход развивает, в частности, Э. Гидденс, связывая предмет социологии с изучением социальных институтов как стандартизированных форм поведения, играющих основную роль в пространственно-временной организации социальных систем. Основываясь на положениях институционального анализа, он предпринимает попытку комплексного исследования общества эпохи позднего или радикализованного модерна.

Методологический характер проблемы изучения гражданского общества с помощью социокультурного подхода является недостаточно исследованной в социологических науках. Это связано с тем, что учёные в основном уделяют внимание исследованиям социальных структур, социальных институтов и социальных процессов в социологическом плане. Специфика социокультурного подхода видится в цикличности общественного развития, изначальной многомерности и многообразии процессов социального мира.

Качественная специфика социокультурного подхода заключается в характере познания разнообразных процессов гражданской жизни людей. Она определяет общесоциологические перспективы взаимосвязи различных сторон развития гражданского общества: социальных, культурных, личностных, групповых и др., а также

влияет на процесс институционализации гражданского общества (частносоциологическая или институциональная перспектива).

Институциональный анализ в представлении классиков функционализма в социальной науке (Б. Малиновский, А. Рэдклифф-Браун и др.) направлен, как известно, на определение той основной цели, которая объединяет членов общности в институт и определяет характер их поведения в конкретном виде деятельности.

Анализ институциональных процессов рассматривается в отдельных исследованиях [3].

Отмечается, что интерес к проблеме гражданского общества и его институтов в России стал проявляться с конца XX века, чему свидетельствует работа отечественных учёных Института социологии Российской академии наук [5].

На современном этапе имеют место разные теории исследования гражданского общества. Одна из них объединяет группу учёных, которые считают, что гражданское общество – это не только сознательный, обеспеченный правами гражданин, это – общество, которое мыслит категорией отдельного человека, своего гражданина. Сторонники другой утверждают, что гражданское общество – это устойчивая система горизонтальных социальных связей, общественно-политических ориентаций и норм, «оно» образует как бы прокладку между базисом и надстройкой, производственными отношениями и государством [5, с. 24–25]. В обеих теориях есть нечто общее: речь идёт о соотношении личных, групповых и общенациональных интересов, об оптимизации отношений индивидов, социальных групп и государства, т. е. обе трактовки имеют общую основу.

Содержание, вкладываемое в понятие «гражданское общество» мыслителями, философами и современными авторами, отнюдь не идентично. Это объясняется различным пониманием таких общечеловеческих ценностей, как демократия, свобода, права и обязанности граждан.

Многие мыслители античности использовали понятие «гражданское общество». Так, Аристотель считал, что гражданское общество находится в диалектической взаимосвязи с государством: «государство есть не что иное, как совокупность граждан, гражданское общество».

Для раскрытия нашей проблемы важно высказывание Гегеля о гражданском обществе. По теории Гегеля, гражданское общество находится между «семьёй», т. е. естественной формой организации общественной жизни, где реализуется частное, и «государством», в котором достигается тождество частного и общего; здесь гражданское общество представляет собой сферу реализации особенного: «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьёй и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства... Гражданское обще-

ство создано, впрочем, лишь в современном мире... В гражданском обществе, каждый для себя – цель, всё остальное для него ничто» [1, с. 228]. Таким образом, гражданское общество представляет особую стадию в диалектическом движении от семьи к государству, обеспечивающую жизнеспособность общества и реализацию гражданских прав; чем сильнее гражданское общество, тем менее заметна роль государства, и наоборот – неразвитое гражданское общество приводит к чрезмерному усилению государства, которое поглощает первое.

Реальность конца XX – первого десятилетия XXI веков – российское гражданское общество. Однако многие его черты и качества ещё находятся в стадии развёртывания и формирования. Сегодня этот процесс осложняется нестабильностью общественно-политических структур, замедленным выходом к цивилизованным рыночным отношениям, отсутствием широкого социального слоя собственников, низкой эффективностью механизма правовой защиты личности. И всё же, несмотря на эти сложности и различного рода катаклизмы, формирование гражданского общества в России идёт в русле мирового развития с удержанием позитивного опыта собственного прошлого, с сохранением самобытных черт.

Процесс формирования гражданского общества и правового государства получил мощный импульс с принятием новой Конституции РФ [2, с. 130–149].

Как отмечают современные учёные, гражданское общество следует рассматривать как исторически определённый способ динамического и сбалансированного взаимодействия «системных» (внешне заданных, формально-рациональных и нормативно обусловленных) и «жизненных» (спонтанных, неформальных и эмоционально обусловленных) начал социальной жизни людей [6, с. 15].

Гражданское общество можно представить как обособленную область социокультурного пространства или сферы системного и жизненного миров, в которой определяется способ стихийного или целенаправленного формирования различных структур, институтов и организаций, соответствующих как разнообразным интересам и формам активности представителей «жизненного мира», так и требованиям нормативного порядка «системного мира».

Условием успешной институционализации гражданского общества является относительная самостоятельность и независимость (гарантированность от прямого вмешательства или вторжения системного и жизненного миров) источников существования его структур и институтов [6, с. 10].

Как известно, в социальной традиции, наиболее полно представленной в работах П. Сорокина и Т. Парсонса, принято рассматривать социальный мир (социум) в единстве трёх подсистем – личности, культуры и социальной организации (общества). К выделе-

нию этих сфер социальная наука приходит не только аналитическим, но и эмпирическим путём.

Ю. Хабермас, переосмысливая теорию систем социального действия Парсонса, даёт эти компоненты (сферы) между «системным» и «жизненным» мирами социума: структуру первого образуют, прежде всего, экономика и политика, а второго – социетальная общность и институты социализации [6, с. 19–20].

Среди проблем формирования зрелого гражданского общества в России выделяют недопустимость использования институтов гражданского общества, прежде всего этнокультурных и конфессиональных организаций в интересах отдельных личностей или групп лиц, противоречащих интересам общества, государства, граждан [7, с. 45].

Таким образом, современные представления о гражданском обществе – результат длительной эволюции в истории социально-философской и политической мысли, чем и объясняется их многообразие и противоречивость данного понятия.

Возрождение интереса к развитию современного гражданского общества связано с процессом упрочения демократических ценностей, социальных принципов и институтов. Гражданское общество представляет собой самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему. Ему свойственно господство ценностей и норм. Не случайно Т. Парсонс, определяя личность как систему отношений живого организма с некоторой ситуацией, рассматривал в качестве среды его жизнедеятельности: поведение, культуру, обучение, т. е. другую систему действий (Культура. Личность. Поведенческий Организм). Со стороны социальной системы она анализируется в контексте приобретения мотивации и исполнения социальных ролей, а с точки зрения культурной системы личность есть определённым образом организованный в процессе обучения индивид, стремящийся к освоению господствующих ценностей и норм [4, с. 104].

Россия – многонациональный социальный организм, в котором большое значение имеет деятельность этнокультурных организаций. В 2007 году действовали 2,3 тысяч общественных объединений этнокультурной направленности. Половину из них составляли региональные объединения. В Докладе Общественной палаты РФ за 2007 год отмечалось: «часто группы людей пытаются присвоить себе функции представлять интересы и чаяния своего народа». Под лозунгом отстаивания национальной самобытности предлагается национализм разного толка и направлений. Чаще всего такие группы или отдельные лица, используя национальные общественные объединения, в целях завоевания «авторитета и популярности в массах», обращаются к тактике националистического популизма. Таким образом, они будоражат национальные чувства людей. Такие попытки обостряют межнациональные отношения, таят угрозу пе-

рерастания популистского национализма в национализм экстремистского толка [7, с. 48–49].

Гражданское общество невозможно без признания свободы в качестве абсолютной ценности в жизни человека. Только свободное государство может обеспечить благосостояние и безопасность своих граждан и получить перспективу динамичного развития в XXI веке. Свобода не может сохраниться в обществе, не стремящемся к справедливости. Такое общество обречено на раскол между теми, чья свобода подкреплена материальным благополучием, и теми, для кого она – синоним изнурительной бедности. Исходом этого раскола могут стать либо социальные потрясения, либо диктатура привилегированного меньшинства. Справедливость требует стремиться не только к равенству прав, но и к равенству возможностей граждан в реализации своих способностей, а также гарантировать достойное существование тем, кто их лишён.

Общественная практика показала, что реальное обеспечение прав и свобод человека в России, да и не только, требует формирования в рамках всего общества некой слабо формализованной системы, обеспечивающей гражданам возможности влияния на все стороны и сферы их жизнедеятельности, помимо влияния государства. И чем позитивнее процесс взаимодействия государственных, властных институтов и самостоятельно действующих самых разнообразных объединений граждан, тем более развито гражданское общество.

Следовательно, для зрелого гражданского общества главной ценностью является формирование гражданской личности, способной преодолеть непрерывно воспроизводящееся противоречие между системно-формальными требованиями социума и жизненной необходимостью, продиктованной «изначальной» человеческой природой и постоянным стремлением к реализации своего родового предназначения.

Человек как субъект гражданского общества наиболее полно выражает свои «высшие» родовые (т. е. гражданские) качества в национально-специфической форме. Его стремлением должно стать расширение духовного существования всего человеческого рода. В этом состоит ценностное содержание гражданской личности. При этом личность рассматривается как полноправный участник общественной жизни наряду с такими субъектами, как коллективы, ассоциации, организации.

Таким образом, дальнейшее изучение общекультурных ценностей гражданского общества возможно с помощью применения социокультурного подхода, раскрытия процесса институционализации, определения человека как субъекта гражданского общества.

Библиографический список

1. Гегель. Философия права. – М., 1990. – С. 228.
2. Кильберг-Шахзадова Н. В. Гражданское общество – основа защиты прав и свобод человека // Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской республике. – Книга 4. – Нальчик : ООО «Тетраграф», 2011. – С. 130–149.
3. Местные сообщества: проблемы социокультурного развития : сборник научных статей / под ред. Ю. М. Резника и Н. И. Мироновой. – М. : Независимый институт гражданского общества, 2010. – 192 с.
4. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и взаимоотношения // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. Весна-1993. – Т. 1. – Вып. 2. – М., 1993. – С. 104.
5. Проблемы формирования гражданского общества. – М. : Институт социологии Российской академии наук, 1993. – С. 24–25.
6. Резник Ю. М., Резник Т. Е. Гражданское общество: теоретико-методологические аспекты социокультурного анализа // Местные сообщества: проблемы социокультурного развития : сборник научных статей / под ред. Ю. М. Резника и Н. И. Мироновой. – М. : Независимый институт гражданского общества, 2010. – С. 19–20.
7. Таов П. К. Гражданское общество в механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина // Формирование гражданского общества и права человека в Кабардино-Балкарской республике. – Книга 3. – Нальчик : Эльфа, 2010. – С. 48–49.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ В МЕЖЭТНИЧЕСКИХ СТОЛКНОВЕНИЯХ

М. Е. Бельгибаев, Г. К. Абдулина
Семипалатинский государственный
педагогический институт,
Семипалатинский государственный университет
им. Шакарима, г. Семей, Казахстан

Summary. To prevent interethnic and inter-confessional fights it is offered to develop education, knowledge, the level of culture and spirituality of society. It should be improved legal basis in registered religious organizations and units.

Key words: interethnic and inter-confessional fights; education; knowledge; culture.

Научно-издательский центр «Социосфера» и два вуза – Казахстана и России – поставили перед участниками II Международной конференции очень важную и сложную проблему, которая возникла и усилилась в последние 20–25 лет. Актуальность данной проблемы выходит далеко за рамки настоящей конференции. Для её решения потребуется не одна встреча глав правительств и министров иностранных дел многих стран. Хочется верить, что учёные и специалисты различных направлений России и Казахстана (участники кон-

ференции) внесут определённый вклад в проблему предотвращения межэтнических и межконфессиональных столкновений.

Отметим основные научные направления, изучающие этнос (этническую общность): «этническая психология», «этнография», «этнолингвистика», «этногеография», «этнонимика» [1; 2].

Этническая общность – этнос, исторически сложившаяся устойчивая группировка людей – народность, нация [3]. Этническая общность выступает как социальный организм, самовоспроизводящийся путём преимущественно этнически однородных браков и передачи новому поколению языка, культуры, традиций, этнической ориентации. Этническая общность подвержена изменениям в ходе этнических процессов – консолидации, ассимиляции.

Рассматриваемую проблему можно разделить на две части по степени сложности и тяжести последствий для населения и отдельных стран, входящих в конфликтологические процессы. Межэтнические столкновения отмечаются в отдельной стране и редко переходят в другие страны. Межконфессиональные столкновения более опасны, могут охватывать несколько стран и не обходятся без жертв. Следует отметить, что в Советском Союзе конфликтологическая проблема игнорировалась, поскольку не вписывалась в официальную идеологическую схему с господствующей в ней докториной бесконфликтного развития социалистических общественных отношений.

В Казахстане произошло столкновение рабочих с администрацией нефтепромысла в Мангистауской области. 16 декабря 2011 г. показали по Интернету выступление нефтяников в поселке Жанаозен. До этого они семь месяцев выступали против администрации по поводу их увольнения с работы (около 1 800 человек). 16 декабря произошёл «взрыв». Безработные нефтяники не могли дальше терпеть безысходное положение. Естественно, этот случай нельзя отнести к межэтническим столкновениям. Правительство Республики Казахстан восстановило нефтяников на рабочие места, виновные в руководстве «Каз Мунай Газ» были уволены. Этот случай показывает, что работодателей не интересовало положение уволенных рабочих, существовал произвол, социальный конфликт они не смогли решить сами своими силами.

При отсутствии законов, отвечающих естественно-правовым критериям справедливости, возникает **произвол**. Произвол создаёт дезорганизующие предпосылки, расчищает социальное пространство для практических волеизъявлений уголовно-криминального характера.

Для предотвращения межэтнических и межконфессиональных столкновений в обществе и государстве должен функционировать, иметь место, социальный опыт, куда входят правовые, морально-этические нормы, образование и знание, мировоззрение, культура, духовность, социальная свобода и демократия.

Важным условием развития прогресса нации и государства является степень образованности субъектов, индивидуумов различных сообществ, всего человечества в целом. Здесь главную роль играет образование и знание. Формы, в которых представлено знание, разнообразны и многочисленны. Это представления, понятия, суждения, идеи, концепции, учения и т. д. Их главное предназначение состоит в том, чтобы обеспечить человеку достаточно адекватное понимание того, что происходит с мирозданием, социумом, людьми, с ним самим и его взаимоотношениями с окружающим миром и природой. Цель образования, знания и науки – обеспечивать осмысленное, одухотворённое и счастливое существование людей.

Мировоззрение – система наиболее общих представлений, знаний, умозрительных моделей, философских принципов, идей, ценностных ориентаций, убеждений, идеалов, верований, с помощью которых человек объясняет себе и окружающим всё то, что происходит с миром и мирозданием. Только на базе развитого мировоззрения становятся возможными продуктивная социокультурная деятельность, полномасштабная творческая самоотдача.

Культура. Существует очень много научных дефиниций определения понятия «культура» В. А. Бачинин [4] предлагает четыре основных определения: 1. Культура – творческая способность человека;

2. Культура – творческая деятельность человека, специальные усилия людей, в результате которых их способности и таланты превращаются в объективные материальные и духовные ценности;

3. Культура – совокупность созданных человеком ценностей;

4. Культура – процесс духовного обогащения человека, динамика превращения существующих ценностей в его личное духовное достояние, в творческие силы и способности. Связанные вместе, эти четыре определения образуют семантический круг, дающий представление о сути культуры в целом.

Духовность – совокупность качеств и свойств, позволяющих человеку полноценно существовать в мире культуры, в нормативно-ценностных сферах, искусства, философии. Духовность помогает осознавать самоценность собственного «я», значимость своего внутреннего мира, понимать свою уникальность и вместе с тем причастность к универсальным началам бытия, представленным в общечеловеческих ценностях культуры и цивилизации. Без духовности, которая сообщает индивидуальному «я» возвышенный строй мировосприятия, невозможны ни религиозная, ни нравственная ни метафизическая интуиция, ни зрелая правовая культура.

Социальная свобода – нормативна и предполагает наличие морально-правовых ограничений, регулирующих её проявления. Общество, государство, мораль, право требуют, чтобы проявления

социальной свободы людей вписывались в рамки существующих требований социальной необходимости. Человек, чтобы быть свободным, должен знать эти требования, считаться с ними. Социальная свобода может быть значительна, если она проявляется в пределах, установленных цивилизованными нормами, гуманными правовыми принципами.

Демократия – от греч. «demos» – народ и «kratos» – власть) – форма государственного устройства, позволяющая народу и его представителям непосредственно осуществлять управленческие функции. В новое время на фоне преобладания абсолютистских форм правления в большинстве западных государств идея демократии становится всё более популярной. Её утверждению в общественном сознании сопутствует разработка целого ряда философско-правовых идей, связанных с апологией неотчуждаемых естественных прав и свобод человека, с распространением идеологии эгалитаризма, идеалов правового государства и гражданского общества. В этих случаях демократия обретает вид социально-политической формулы, интегрировавшей в себе целый ряд идей, принципов и умонастроений и трансформировавший их в удобопонимаемые для массового сознания программы, призывы и лозунги. Практическое воплощение идеи демократии дало два основных типа результатов: 1) в условиях равновесно-динамичных отношений правового государства и гражданского общества демократия стала существенным атрибутом цивилизованного социального порядка; 2) в условиях незрелого гражданского общества и злоупотребляющей неправовыми методами государственности демократия превращается в уродливую, деструктивную социальную химеру [5].

В целях предотвращения межэтнических и межконфессиональных столкновений наряду с существующими международными организациями (ООН и другие) должны создаваться новые. При межконфессиональных столкновениях в большинстве случаев зачинщиками являются «псевдорелигиозные» объединения, которые размножились во всех странах, в том числе и в Казахстане. Они оболванивают и зомбируют неустойчивую часть населения. Надо закрывать такие религиозные очаги, лишать их лицензии.

Библиографический список

1. Бачинин В. А. Философия. Энциклопедический словарь. – Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А. , 2005. – 287 с.
2. Большая советская энциклопедия. – Том 30. – М. : Советская Энциклопедия, 1978.
3. Жарыкбаев Қ. Этнопсихология-ұлт тәртібінің өзегі. – Алматы : Білім, 2005. – 142 б.
4. Ильенков Э. И. Философия и культура. – М. , 1991.
5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология : учеб. пособ. для студ. – М. : ИП РАН, Академический Проект; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 320 с.

РАЗВИТИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

И. Е. Козина

Славянский-на-Кубани государственный педагогический
институт, Славянск-на-Кубани, Россия

Summary. In the given work you can get acquainted with a problem of ethnic tolerance as a basis of formation of civil identity. In article experience of researches on the specified problematics, and also results of practical introduction of the program which overall aim is formation of ethnic tolerance and civil identity at teenagers is described.

Key words: tolerance; ethnic tolerance; civil identity.

Формирование гражданской идентичности личности является главной задачей социализации в подростковом возрасте. В условиях религиозного, этнического, социального и культурного разнообразия российского общества достижение социального согласия является обязательным условием укрепления государственности, стабильности, безопасности государства как приоритетной политики.

Ключевой задачей самоопределения является формирование гражданской идентичности, представляющей осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан определённого государства на общекультурной основе, имеющей определённый личностный смысл [1].

Проблемой исследования этнорелигиозных и социокультурных проблем толерантности занимались такие учёные, как Ф. Аквинский, Т. Гоббс, Д. Дидро, Д. Локк, А. Бенуа, Н. Бердяев, И. Бунин, В. Набоков, Н. Рерих, Р. Абдулатипов, Ю. Гаврилов, А. Галкин, А. Логинов, Т. Ойзерман, А. Чичановский и др. В то же время проблема гражданской идентичности интенсивно разрабатывалась М. Н. Губогло, Л. М. Дробижевой, В. Н. Ивановым, Ж. Т. Тощенко и др.

Понятие «толерантность» формировалось на протяжении многих веков, и этот процесс продолжается до сих пор.

По определению академика В. А. Тишкова, толерантность – это «личностная или общественная характеристика, которая предполагает осознание того, что мир и социальная среда являются многомерными, а значит, и взгляды на этот мир различны и не могут и не должны сводиться к единообразию или в чью-то пользу» [4].

В современной этнопсихологии этническая толерантность трактуется как личностное образование, которое входит в структуру социальных установок. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутрилич-

ностного выбора тогда, когда выработанные в ином социально-культурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования [3].

Существуют различные определения понятия «идентичность». Мы будем понимать его как самопонимание, представление человека о самом себе; принадлежность индивида к определённой социальной группе и осознание им этого факта.

Гражданская идентичность – осознание индивидом своей государственной принадлежности, т. е. представление человека о себе как о гражданине определённого государства, союза государств или мирового сообщества [2].

Целью данной работы является разработка и апробация комплексной программы развития этнической толерантности как основы формирования гражданской идентичности у старшеклассников мигрантов и не мигрантов.

Мы предположили, что в условиях межэтнического взаимодействия процесс формирования гражданской идентичности мигрантов и не мигрантов в старшем подростковом возрасте характеризуется зависимостью от уровня развития этнической толерантности. Реализация комплексной программы, формирующей опыт этнической толерантности, основанной на учёте как индивидуально-психологических, так и этнокультурных особенностей субъектов образовательного процесса способствует формированию гражданской идентичности старшеклассников мигрантов и не мигрантов.

Нами было проведено исследование на базе школ города Славянска-на-Кубани Краснодарского края. Выборка составила 54 человека, ученики средних общеобразовательных школ, среди которых мальчиков – 27, девочек – 27. В школах наряду с местными детьми обучаются дети мигранты (в исследовании приняли участие 23 ребенка мигранта).

В качестве методов исследования были использованы методики на выявление этнической толерантности и гражданской идентичности – тест Куна-Макпартленда «Кто Я»; экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатова, Л. А. Шайгерова, О. Е. Хухлаев, О. А. Кравцова.

Исследование проходило в 3 этапа. На первом этапе был осуществлён теоретический анализ исследуемой проблемы; проведены пробные пилотажные исследования; разработана программа развития этнической толерантности. На втором этапе программа была реализована. На третьем этапе проводилось повторное исследование, проведены обработка, анализ, обобщение, интерпретация полученных данных, подведены итоги исследования.

По результатам теста Куна-Макпартленда были получены следующие результаты: у (36 %) подростков отмечена сформированная

гражданская идентичность, обозначение характеристик гражданской идентичности сделано напрямую. При прямом обозначении характеристик гражданской идентичности респондент указывает свою гражданскую принадлежность в конкретных словах, имеющих определённое эмоциональное наполнение. Наличие прямого обозначения характеристик гражданской идентичности свидетельствует о том, что сравнение себя с представителями народа, страны являются важной и принимаемой внутренне темой самосознания. Наличие прямого варианта эмоционально-положительного обозначения гражданской идентичности свидетельствует о сформированности позитивной гражданской идентичности, возможном многообразии ролевого поведения и позволяет делать благоприятный прогноз относительно успешности самоопределения и взаимоотношений с другими людьми. Среди данной группы подростков нет представителей из семей мигрантов; у 64 % отмечено наличие кризисных переживаний.

Обозначение характеристик гражданской идентичности было сделано у 68 % косвенно. Косвенное обозначение характеристик гражданской идентичности отмечается в том случае, когда испытуемый не указывает свою гражданскую принадлежность прямо, но она проявляется через социальные роли, которые он считает своими.

У 32 % обозначение характеристик гражданской идентичности отсутствовало вовсе. Среди них – 19 человек (82,6 %) – подростки из семей мигрантов. Отсутствие обозначения характеристик гражданской идентичности отмечается тогда, когда написание всего текста идёт через фразу: «Я человек, который...». В качестве причины можно отметить отсутствие целостного представления о целостных взаимоотношениях в социальном и природном мире на основе осуществления свободного выбора и самоопределения в условиях уважения права других на свой выбор в данный момент времени (недостаток рефлексии, знаний).

При помощи опросника «Индекс толерантности» были обследованы мигранты и не мигранты, ученики 8–10-х классов в возрасте от 15 до 17 лет. При анализе результатов обследования были использован метод статистической обработки данных (факторный анализ). Самая высокая корреляция на данном этапе в исследуемой группе ($r_{2;4;5} = 0,9$) отмечена между индексом толерантности, социальной толерантностью и толерантностью как чертой личности.

Общий индекс толерантности не коррелирует с этнической толерантностью, что указывает на интолерантные отношения в условиях межэтнического взаимодействия.

В целом, по оценке «Индекса толерантности», большая доля влияния приходится на «Этническую интолерантность» (67,3 %), гораздо меньше это связано с гражданской идентичностью (16,3 %) и ещё меньше с этнической толерантностью (8,7 %).

Реализация комплексной программы развития этнической толерантности как основы формирования гражданской идентичности у старшеклассников мигрантов и не мигрантов предусмотрена нами на 2 этапе нашей исследовательской работы.

При разработке комплексной программы развития этнической толерантности была использована авторская программа социально-психологического сопровождения процесса адаптации детей-мигрантов в условиях образовательного учреждения «Мы вместе» Н. И. Ковалевой.

Общая цель программы – формирование этнической толерантности и гражданской идентичности.

Программа предполагает работу с детьми мигрантами и не мигрантами.

Занятия проводились в течение двух месяцев, два раза в неделю, продолжительность занятий 45–60 минут. В реализации программы были задействованы педагоги, психологи, имеющие высшее образование и подготовку в области групповой практико-ориентированной психологической работы. Дети вели личный дневник, что обеспечивало почву для самораскрытия, формирование уважения к собственному внутреннему миру и внутреннему миру других. Сохранность и конфиденциальность информации детям гарантировалась.

После реализации программы самая высокая корреляционная связь в исследуемой группе ($r_{2;5} = 0,8$) отмечена между общим индексом толерантности и толерантностью как чертой личности (включает пункты, диагностирующие личностные черты, установки, убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру).

На 1 этапе общий индекс толерантности не коррелировал с этнической толерантностью. После реализации программы можно отметить корреляцию ($r_{2;3} = 0,5$) между общим индексом толерантности и этнической толерантностью. Высокая корреляция ($r_{3;5} = 0,7$) между этнической толерантностью и толерантностью как чертой личности.

Как видно из представленных результатов, уровень этнической толерантности стал значительно выше после реализации программы, что свидетельствует о её положительном влиянии.

В исследуемой группе до реализации программы корреляционные связи между показателями «Индекс толерантности» и «Этническая толерантность» были значительно слабее, между признаками этническая толерантность и гражданская идентичность связи не отмечались.

После реализации программы связи между индексом толерантности, толерантностью как чертой личности и этнической толе-

рантностью стали существенными. Связь между этнической толерантностью и гражданской идентичностью стала существенной.

Таким образом, в ходе проведённого исследования гипотезы о том, что в условиях межэтнического взаимодействия процесс формирования гражданской идентичности мигрантов и не мигрантов в старшем подростковом возрасте характеризуется зависимостью от уровня развития этнической толерантности. А также о том, что реализация комплексной программы, формирующей опыт этнической толерантности, основанной на учёте как индивидуально-психологических, так и этнокультурных особенностей субъектов образовательного процесса способствует формированию гражданской идентичности старшеклассников мигрантов и не мигрантов, полностью доказаны.

Формирование гражданской позиции личности составляет ключевую задачу социализации в старшем подростковом возрасте. Достижение социальной консолидации и согласия в условиях роста социального, этнического, религиозного и культурного разнообразия нашего общества является необходимым условием укрепления российской государственности и обеспечения безопасности общества как приоритета политики страны. Поликультурное общество обуславливает повышение требований к ответственности и свободе личностного выбора, воспитанию культуры толерантности в межнациональном общении и отношениях, требует целенаправленного создания условий развития гражданственности личности.

Формирование гражданской позиции невозможно вне межкультурного диалога, толерантности и открытости, уважения точек зрения, свободных от нарушения общечеловеческих норм гражданской этики и морали.

Библиографический список

1. Асмолов А. Г. , Солдатова Г. У. , Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – 2001. – № 1, – С. 8 –18.
2. Науменко Л. И. Этническая идентичность. Проблемы трансформации в постсоветский период // Этническая психология и общество. – М. , 1997.
3. Солдатова Г. У. Толерантность и интолерантность – две грани межэтнического взаимодействия // Век толерантности. – Выпуск № 1. – М. , 2001.
4. Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности в России. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1997.

II. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ В ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ

Е. А. Пронин

Московский педагогический государственный университет,
г. Москва, Россия

Summary. Socio-economic factors have a significant impact on ethnic and demographic processes in the Penza region. The intensity of ethnic and demographic processes in areas of the field will vary greatly influenced by socio-economic factors. The most important of the socio-economic factors are the size of settlements and their density in the territories, the development of cultural and service establishments, and their remoteness from the administrative center.

Key words: ethnic and demographic processes; socio-economic factors.

Современная этническая карта Пензенской области формировалась на протяжении длительного времени. На каждом историческом этапе её формирования на первое место выходили разнообразные факторы. На этапе перехода экономики на рыночную основу на первое место вышли факторы социально-экономические.

1. Чем крупнее поселения на рассматриваемой территории и чем многообразнее их национальный состав, тем интенсивнее в нём этнокультурные процессы. В Пензенской области преобладают населённые пункты с людностью до 50 человек. Имеются различия по количеству жителей в населённых пунктах на западе и востоке области. На западе Пензенской области численность поселений составляет 50 жителей, на востоке – около 1000. Различается людность поселений у представителей отдельных национальностей. Так, в мордовских поселениях она составляет 250 человек, в татарских – 650 на западе и 1400 человек на востоке области, в чувашских – 415 жителей. Отдельные национальности отличаются разной способностью сосуществовать с представителями других этнических групп на одной территории, и с этим связано появление разного числа и национального состава поселений. Так, в области преобладают мононациональные поселения, а именно русские мононациональные поселения – 86 % от всех мононациональных поселений области, мокшанские мононациональные 4,4 %, эрзянские 3,2 %, татарские – 2,6 %. Средняя людность многонациональных сел по региону – 896 человек; на западе – 558, на востоке – 1226,7. Разные этнические группы различаются компактностью их проживания. Наибольшая компактность у

татарских ареалов, расположенных в основном на востоке области. Мордовское расселение отличается большей дисперсностью и разорванностью своих ареалов, особенно на западе области.

2. Чем выше плотность населённых пунктов на рассматриваемой территории, тем интенсивнее этнические процессы. Этот показатель также будет различаться у разных этносов и территорий. Более интенсивно данный показатель проявляется в тех районах, где есть поселения различных этнических групп и высока их плотность на единицу площади. В Пензенской области два выше приведённых показателя взаимодействуют друг с другом несколько отлично от других территорий России. На западе области плотность населённых пунктов выше, чем на востоке, но людность их здесь невелика. На востоке области, наоборот, людность населённых пунктов выше, но их плотность невелика. Поэтому при характеристике этнокультурных процессов и их интенсивности следует пользоваться дополнительно другими показателями.

3. Развитая система культурно-бытовых учреждений влияет на этнокультурные процессы не прямо, а косвенно, через численность населённых пунктов. В крупных по людности поселениях набор культурно-бытовых учреждений увеличивается, растёт их влияние на территорию, прилегающую к ним. Так, на востоке области большинство поселений большие по численности населения и имеют большой набор культурно-бытовых учреждений. Всё это создаёт положительные предпосылки для жизни в данных поселениях, особенно для молодёжи. Кроме того, в крупных национальных поселениях больше вероятность сохранения школ и преподавания родного языка или даже части школьной программы на родном языке.

4. Чем дальше от административного центра располагается рассматриваемая территория, тем интенсивность этнокультурных процессов ниже. Чем меньше расстояние между районным центром и соседними поселениями, тем интенсивнее межэтнические процессы, и наоборот. Но интенсивность эта будет зависеть и от состояния транспортной сети, и от форм ареалов расселения этнических групп. Немаловажное значение играет и статус районного центра. Здесь наблюдается прямая зависимость – чем выше статус центра, тем благоприятнее в нём условия для этнокультурных процессов. На востоке области населённые пункты крупные и расположены на разном расстоянии от центра, на западе – пункты мелкие и расположены в непосредственной близости от административных центров. Интенсивность этнических процессов на западе области выше, чем на востоке.

Библиографический список

1. Географический атлас Пензенской области. – П. : Облиздат, 2005. – 60. : ил. карт.

2. Курицын И. И. , Население и хозяйство Пензенской области. – П. : Облиздат, 1998. – 60 с.
3. Национальный состав, владение языками и гражданство. Итоги всероссийской переписи населения 2002 год. – Том 4. – Пенза, 2005 год.
4. Пензенская область. Статистический ежегодник 2004. – Пенза, 2004.

ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (НИДЕРЛАНДЫ)

Е. Л. Самарина

**Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина), ЛЭТИ,
г. Санкт-Петербург, Россия**

Summary. The article shows some problems of ethnic entrepreneurship studied in contemporary sociological researches in the Netherlands. Analysing some researches on ethnic entrepreneurship we can come to a conclusion that migrants and minorities' business has a complex and changing structure. Migration and its connection to entrepreneurial activity is considered as a positive process that leads to local economy improvement and immigrants' adaptation.

Key words: ethnic entrepreneurship; sociology of entrepreneurship; migration process; migrants entrepreneurship; ethnic economy; Netherlands.

В настоящее время в Нидерландах, как и во всей Европе, остро стоит проблема занятости и ассимиляции миллионов иммигрантов из разных стран. Социологи исследуют миграционные процессы в данных странах с точки зрения культурного и человеческого капитала, мотивации к предпринимательству и способов ассимиляции к доминирующему обществу.

За последние два десятилетия произошло радикальное реструктурирование рынка труда страны, постепенно увеличивается количество самозанятых среди этнических меньшинств. Исследования показывают, что есть положительная связь между предпринимательством, с одной стороны, и созданием рабочих мест, инновациями и заметным экономическим ростом – с другой. Занятие предпринимательской деятельностью даёт экономическую независимость и повышает общественный статус, являющийся основой для дальнейшей социальной мобильности. Исследуя личные и деловые качества городских предпринимателей-мигрантов из Марокко, Суринама и Турции, в Нидерландах значительное внимание уделяют основным факторам, связанным с происхождением, влияющим на успешность их деловой активности. Оказалось, что решающей движущей силой являются личность, трудолюбие и честность, а не социальные связи или поддержка соотечественников.

Турецкие предприниматели являются объектом исследования во многих работах. За последние десятилетия большое количество

турецких иммигрантов вошло в экономику стран Западной Европы, где многие из них, а впоследствии их потомки начинают свой бизнес. Постепенно предприниматели из Турции заняли значительную часть местной экономики, особенно в больших городах Нидерландов, а также Германии, Бельгии, Франции и Швейцарии [1].

Во время экономического спада последних лет наличие этнического бизнеса поддержало городскую экономику страны. Амбиции и желание иммигрантов начать собственное дело намного выше, чем у местного населения Голландии. В последнее время наблюдается тенденция увеличения числа иммигрантов-предпринимателей, особенно в больших городах – Амстердаме, Роттердаме, Гааге и Утрехте. Наиболее представленной в количественном отношении этнической группой являются выходцы из Турции. Однако они не могут быть названы самой сильной предпринимательской группой, так как результаты исследования не показали заметного различия одной группы иммигрантов от другой по уровню деловой успешности [3].

Европейские страны характеризуются комбинацией сильное государство – слабый рынок, что определяет здесь специфику развития и изучения этнического предпринимательства. Десять лет назад в Амстердаме полиция усилила контроль над соблюдением трудового законодательства на фабриках, производящих одежду [2]. За три года были закрыты 90 % ателье, многие из них были перенесены в Польшу, где рабочая сила дешевле и законодательство более гибко. Предприниматели-иммигранты остались без своих предприятий и их работники – без рабочих мест, что негативно сказалось на экономике города.

Практически во всех исследованиях европейских социологов отмечается наибольшая активность иммигрантов по отношению к коренному населению любой из развитых стран даже с самым жёстким государственным регулированием. На сегодняшний день, несмотря на бюрократические препятствия, активно побеждает тенденция усиления позиций этнического предпринимательства. Нельзя однозначно утверждать, что существует корреляция между численностью отдельной этнической группы иммигрантов и количеством успешных предпринимателей из их среды. Предпринимательская активность мигрантов в большинстве случаев сосредоточена в городах, особенно крупных.

Библиографический список

1. Baycan-Levent T. , Kundak S. Motivation and driving forces of Turkish entrepreneurs in Switzerland // Innovation-The European Journal of Social Science Research – Vol. 22 – No. 3 – September, 2009 – С. 283–308.

2. Rekers A. , Van Kempen R. Location matters: Ethnic entrepreneurs and the spatial context – «Immigrant Businesses: The Economic, Political and Social Environment» / под ред. Jan Rath. – London : Macmillan, 2000. – С. 54–69.
3. Sahin M. , Nijkamp P. , Rietdijk M. Cultural diversity and urban innovativeness: personal and business characteristics of urban migrant entrepreneurs // Innovation-The European Journal of Social Science Research. – Vol. 22 – No. 3. September, 2009. – С. 251–281.

К ПРОБЛЕМЕ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ФАШИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ИСПАНИИ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. 1931–1937 ГГ.

Р. В. Коняев

**Алтайская государственная педагогическая академия,
г. Барнаул, Россия**

Summary. In this article the author presents on the events of the military rebellion of General Franco in Spain, 1936-1939. As he had to establish his political platform and program. Franco decided to base of on the political ideal the fascist party «Spanish Phalanx and JONS». The author of this article reveals the reasons and the circumstances which determined the choice of General Franco. The abovementioned events are given in the historical context of the fascist movement formation in Spain.

Key words: Spain; rebellion; Franco; Jose Antonio Primo de Rivera; phalanx; fascism; ideology; political program.

Приходится признать, что для нашей страны всё более актуальной проблемой становится активизация радикального национализма. В последние годы различные группировки скинхедов, неофашистов и неонацистов стали представлять серьёзную опасность для общества. Эта проблема усугубляется тем, что к таким радикальным идеям восприимчивыми, как правило, оказываются представители молодёжи. Существует потенциальная угроза того, что определённые политические силы могут сделать из такой категории населения свою социальную опору в борьбе за власть, как это произошло во второй трети XX века во многих государствах Европы. В этом контексте изучение и осмысление причин и истоков радикальных движений и природы фашизма приобретает сегодня особую значимость. В нашей статье предлагается рассмотреть, вопросы, связанные с причинами зарождения и становления фашизма в Испании.

В июле 1936 года в Испании начался военный мятеж, который, впоследствии перерос в Гражданскую войну. Лидер мятежа – генерал Франсиско Франко Баамонде, опираясь на военную поддержку нацистской Германии, фашистской Италии и салазаровской Португалии, ставил своей целью свержение Республиканского правительства. Безусловно, генералиссимус и его окружение были настроены

на победу. Но самому Франко уже во время войны нужно было думать не только о победе, но и о создании идеологии своего политического режима после окончания боевых действий. Сами мятежники, представленные в основном военными, такой идеологии, способной сплотить нацию, не имели. И Франко решил взять на вооружение идеологию испанского фашизма.

Для того, что бы понять, почему он обратился именно к фашизму, нам придётся рассмотреть целый комплекс причин, по которым фашизм стал доминирующей политической силой в Испании. Условно эти причины можно разделить на две группы: внутренние, которые соотносятся с внутривнутриполитической обстановкой в самой Испании, и внешние, связанные с взаимоотношениями мятежников и Германии и Италии. В данной статье мы будем рассматривать их комплексно.

На правом политическом спектре Испании находились политические силы, которые мы можем условно разделить на монархистов, клерикалов и фашистов [2, с. 184]. К монархическим группировкам можно отнести такие организации, как «Испанское обновление» во главе которой формально стоял Антонио Гойкоэчеа, а фактическое руководство осуществлял Хосе Кальво Сотело, бывший министр финансов Испании в период диктатуры генерала Мигеля Примо де Ривера. Это была закрытая организация, не допускавшая в свои ряды народные массы [3, с. 293]. В этом же ряду стоит «Испанская конфедерация автономных правых» (СЭДА), возглавлял которую Хосе Мария Хиль Роблес. В ней были сильны клерикальные установки, но наряду с этим прослеживались и некоторые фашистские черты. Так, в частности, Хиль Роблес провозглашал создание корпоративного авторитарного государства, но в отличие от фашистов, СЭДА хотела восстановить монархию. Помимо этого, Хиль Роблес попытался перестроить свою партию по фашистскому образцу, внедряя в неё принцип вождизма. Так, члены СЭДА стали называть своего лидера «хефе», что по-испански означает вождь [9, с. 68–69]. В монархический лагерь также входила и группировка карлистов, имевших ударные отряды милиции «рекетес», возглавляемые Фалем Конде. Это движение было одним из самых реакционных на правом фланге политического спектра Испании. Традиционалисты-карлисты были сторонниками восстановления абсолютной монархии и бывшего влияния Католической церкви.

Первые фашистские группировки в Испании возникли сразу после крушения монархии и установления республики в апреле 1931 г. В этом году появились сразу две малые фашистские партии. Онесимо Редондо Ортего создал «Кастильскую хунту испанского действия», а Рамиро Ледесмо Рамос «Хунту национал-синдикалистского наступления» (ХОНС). По причине малочисленности 10 октября 1931 года эти группировки объединились в одну

партию, которая стала называться, как и группировка Ледесмо Рамоса, – ХОНС. Позже, в 1933 году, 29 октября Хосе Антонио Примо де Ривера, сын бывшего диктатора, создал свою партию, которая получила название «Испанская фаланга». А в феврале следующего года все эти фашистские организации объединились в одну группировку, которая стала называться «Испанская фаланга и ХОНС».

Примерно такой перечень правых сил сложился в Испании к весне 1937 года, когда Франко стал создавать фундамент своей будущей диктатуры. Но почему он выбрал именно фашистов в качестве стержня своей политической партии? Дело в том, что генералиссимусу была нужна политическая партия с такой идеологией, которая была бы способна мобилизовать всю нацию под своим началом. Как раз фаланга была одной из тех правых сил, для которых это было возможно. Удивителен тот факт, что фаланга за короткий срок превратилась из небольшой, скорее, политической секты в мощную партию с довольно широкой социальной базой. Что определило такие метаморфозы? После того, как в 1934 году были объединены фашистские группировки, фаланга не могла похвастать популярностью ни в народе, ни среди правых контрреволюционеров. Это была правая радикальная группа, высказывавшая идеи создания корпоративного авторитарного государства, в котором отсутствовала бы классовая борьба [4, с. 42–43]. Государство, по идее фашистов, должно было осуществлять полный контроль над экономикой посредством синдикатов производителей, которые подчинялись бы верховной власти. Фалангисты были одержимы идеями антипарламентаризма и всюду видели коммунистическую угрозу. Поначалу правые не проявляли заметного интереса к фаланге [3, с. 291]. Земельная аристократия, финансовая олигархия и крупная буржуазия делала ставку на более умеренных правых, которые хотели добиться своих целей – уничтожения прогрессивного законодательства республики парламентскими средствами. Правда, фаланга обращала на себя внимание реакционеров тем, что у неё были достаточно серьёзные вооружённые формирования – ударные отряды милиции – «пистолерос», с помощью которых фашисты методом индивидуального террора уничтожали своих противников. Эту силу реакционеры хотели использовать своих целях. С её помощью они собирались прийти к власти, а затем удалить фалангу с политической сцены. Такое «неуважительное» отношение к партии Примо де Риверы было связано с тем, что она ещё не представляла из себя какой-то серьёзной политической силы [3, с. 301]. Одной из причин, мешающих распространению влияния фаланги в Испании, была внутрипартийная борьба между Хосе Антонио Примо де Риверой и Рамиро Ледесмо Рамосом по вопросу взаимоотношения с церковью и высшими классами [9, с. 86]. Дело в том, что Ледесмо Рамос отличался антиклерикальными взглядами, и его не устраивала излиш-

няя религиозность Хосе Антонио. Кроме того, основатель ХОНС был недоволен тем, что сын диктатора «пачкает» себя связями с аристократами, что, по мнению Рамоса, могло оттолкнуть от фаланги низы общества, в первую очередь рабочий класс. Но такие действия Хосе Антонио были вызваны объективными причинами. Во-первых, «Испанской фаланге и ХОНС» была необходима финансовая помощь. Во-вторых, Хосе Антонио пришлось заново налаживать связи с важными персонами в связи с тем, что после падения диктатуры Мигеля Примо де Ривера они были утеряны. В-третьих, Хосе Антонио опасался, что фаланга в силу своей слабости не сможет в одиночку одолеть своего главного противника – социалистическую партию [9, с. 89]. В результате этого конфликта Рамос был удалён из фаланги, а фактическое руководство теперь всецело перешло к Хосе Антонио. Такая нестабильность внутри партии мешала распространению её влияния в массах. И пытаясь преодолеть эти затруднения, фалангистский лидер активизировал использование националистической риторики, призывая к единению нации, борьбе против марксизма и обещая восстановить былое могущество Испании [7, с. 115]. Надо сказать, что такая демагогия действовала в основном на молодёжь. Именно эту часть общества в первую очередь привлекали в фашизме громкие лозунги крайнего национализма и военная дисциплина фалангистской милиции. Тем не менее, уже в это время фаланга стала получать от правых серьёзную финансовую помощь. Так, монархисты из группировки «Испанское возрождение» предоставили фаланге 100 тыс. песет на решение её организационных вопросов [3, с. 299]. В целом, лидеры правых стали интересоваться фашистскими идеями, но они по-прежнему не решались поставить на фанатичных фалангистов.

В феврале 1936 года «Испанская фаланга и ХОНС» попыталась вступить в блок правых и центристов на выборах в феврале 1936 года, но участники блока не подпустили к себе радикальных фашистов [5, с. 82]. Фаланга всё ещё оставалась мелкой политической группировкой, которую не рассматривали всерьёз. Однако ситуация изменилась после победы на выборах 16 февраля 1936 года Народного фронта. Среди правых началась антикоммунистическая истерия, на волне которой многие вспомнили радикальную антимарксистскую демагогию фалангистов. Потеряв надежду на парламентский способ борьбы, правые обратили внимание на ярого антипарламентариста Хосе Антонио Примо де Ривера. После парламентского фиаско правых, фалангисты совершили ряд покушений на членов Народного фронта. В этот момент численность фаланги достигла 25 тыс. человек, и её популярность стала расти [5, с. 94]. Однако в связи с серией громких политических убийств, совершённых фашистами, фаланга была запрещена Республиканским правительством и ряд видных её руководителей, в том числе и Примо де Ривера, были арестованы.

В условиях преследования и арестов руководителей, фашистская партия стала разваливаться [5, с. 96]. От окончательного развала фалангу во многом спасла серьёзная финансовая помощь и поддержка испанских правых [3, с. 312].

С первых дней мятежа фаланга поддержала франкистов. Фашистские отряды милиции, выступая на стороне мятежников, стали уничтожать республиканцев [1, с. 104]. В итоге, с начала гражданской войны «Испанская фаланга и ХОНС» начала приобретать широкую поддержку в мятежной части Испании [6, с. 150].

К весне 1937 года, фаланга превратилась в массовую партию, которая имела сторонников во многих слоях общества, что привлекло внимание Франко [5, с. 310]. Надо сказать, что он симпатизировал фашистской идее создания авторитарного корпоративного государства. К тому же у фаланги на тот момент была сформирована система централизованного подчинения и принцип вождизма, что соответствовало взглядам генералиссимуса [3, с. 317]. Правда, среди правых серьёзным влиянием обладали и монархисты. Однако Франко было бы не выгодно делать на них ставку, так как после победы он хотел править единолично, и не желал возвращения наследника престола – Дона Хуана. Поэтому генералиссимусу было опасно брать в качестве своей основной опоры монархистов, которым бы могла не понравиться единоличная диктатура Франко. К тому же монархические группировки не допускали в свои ряды народные массы, и поэтому не могли обеспечить для Франко, даже во время войны, массовой поддержки. В этом вопросе Франко вынужден был прислушиваться к мнению Германии, которую не устраивала его связь с монархистами [3, с. 318]. Здесь это ярко контрастирует с тем фактом, что Германия и Италия явно благоволили фаланге, и даже хотели поставить её под свой контроль.

Помимо всего прочего, многие политические партии, которые могли конкурировать с фалангой, были запрещены. В частности, под запретом оказалась СЭДА, некогда популярная и сильная партия [9, с. 157]. И в результате в правом спектре политических сил Испании оказались две крупнейшие группировки – «Испанская фаланга и ХОНС» и движение традиционалистов-карлистов. Но делать упор на карлистов для Франко не было никакого смысла, потому что он не мог использовать в качестве идеологической опоры своего будущего режима те крайне реакционные идеи, которые они провозглашали [8, с. 63].

В этот момент возникло ещё одно важное обстоятельство, определившее решение генералиссимуса склониться к фаланге – отсутствие в ней руководства. 18 марта 1936 года Хосе Антонио Primo де Ривера и ряд других лидеров были арестованы. Франко даже не попытался спасти Primo де Риверу из заключения. Свою роль в этой ситуации сыграл ещё и личный фактор – взаимоотношения

Примо де Риверы и Франко были далеки от дружеских [6, с. 104]. Ввиду отсутствия в фаланге лидеров и оформленности в ней системы централизованного подчинения для Франко оставалось только объявить себя главой «Испанской фаланги и ХОНС», тем более что 20 ноября 1936 года Хосе Антонио и ряд его соратников были расстреляны. Для захвата партии генералиссимусу оставалось устранить её формального лидера Мануэля Эдилью, что он сделал без особого труда. 19 апреля 1937 года Франко провозгласил декрет о слиянии всех реакционных сил в одну политическую партию, которая стала называться «Испанская традиционалистская фаланга и Хунты наступления национал синдикализма». Одновременно «Национальным шефом» этой партии он провозгласил себя. Таким образом, Франко смог создать политическую силу, которая на время Гражданской войны смогла сплотить националистические силы, а после её завершения стала опорой его диктаторского режима.

Библиографический список

1. Випперман В. Европейский фашизм в сравнении. 1922 – 1982 / пер. с нем. А. И. Федорова. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 232 с.
2. Гарсиа Х. Испания XX века / ред. В. Н. Виноградов. – М. : МЫСЛЬ, 1967. – 488 с.
3. История фашизма в Западной Европе / отв. ред. Г. С. Филатов. – М. : НАУКА, 1978. – 616 с.
4. Исходные принципы // Хосе Антонио Примо де Ривера. Стрелы Фаланги. Избранные труды. – М. : Слава. – С. 39–45.
5. Платошкин Н. Гражданская война в Испании. 1936–1939 гг. – М. : ОЛМА – ПРЕСС, 2005. – 480 с. – (Архив).
6. Престон П. Франко: Биография / пер. с англ. Ю. В. Бехтина. – М. : Центрполиграф, 1999. – 702 с.
7. Программные установки фаланги // Хосе Антонио Примо де Ривера. Стрелы Фаланги. Избранные труды. – М. : Слава. – С. 115–119.
8. Рапорт Крамера министерству иностранных дел. 5. VI. 1939 // Документы Министерства Иностранных Дел Германии. – М., 1946. – Вып. III. – С. 61–68.
9. Томас Х. Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. / пер. с англ. И. Полоцка. – М. : Центрполиграф, 2003. – 573 с.

НАУКА И РЕЛИГИЯ: УСЛОВИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРИНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИИ

С. С. Стрельников, О. М. Ушакова
Тюменский государственный университет,
Тюменский государственный нефтегазовый университет,
г. Тюмень, Россия

Summary. This article is dedicated to some aspects of interaction between religion and science in Russia. Authors describe actual condition of social relations in the context of possible synergizing effect of such relation.

Keywords: religion; science; synergy, state.

Взаимодействие в российском обществе институтов науки, государства и религии на современном этапе развития тесно связано со следующими условиями такого взаимодействия:

- общемировой кризис научного сознания, сопряжённый с развитием постмодернистских концепций, представители которых порой отрицают принципиальную познаваемость окружающего мира и отвергают данные наук, в России усугубляется как неудовлетворительным состоянием материальной базы естественных наук, так и находящимся в стадии становления научного сообщества, изучающего общество и при этом свободного от какого-либо идеологического давления. Долгое время изучение общества осуществлялось с позиций марксизма-ленинизма, что определяло не только методический инструментарий исследования, но и систему целей и задач таких исследований;

- процесс реинституализации религии, понимаемый как возобновление влияния религиозных сообществ и их учреждений на общественные процессы в целом и политические процессы в частности посредством выполнения ряда функций. Полагаем, что причиной возобновления влияния можно считать демонтаж государственной ценностно-смысловой системы в конце 80-х–начале 90-х годов, повлекший за собой потребность в установлении новых ценностей и смыслов, определяющих жизненные стратегии граждан;

- специализация государственного и муниципального управления, характеризующаяся замещением должностей государственной и муниципальной службы специалистами с соответствующим профессиональным образованием и процессом получения управленческого образования, который тесно связан как с уже упомянутыми особенностями российской науки, так и отечественной адаптацией новых управленческих парадигм, в частности включающих в себя концепцию синергии, порой понимаемой превратно.

Идея возможности сочетания рационального и религиозного мышления не является новой. В качестве предпосылки такого объ-

единения часто выступает положение о существовании некой гармонии, понимание которой имеется у обеих сторон, а целью объединения может быть совместное достижение этой гармонии. Развита в XVII в. Жаном Боденом, эта идея является популярной в наши дни. Особенно в свете идей о синергетике, о взаимопроникновении методов, что позволяет некоторым исследователям говорить о неизбежности синтеза науки, религии и искусства в XXI веке [2]. Не опровергая данное положение в контексте формальной возможности, обратимся к имеющейся практике социального взаимодействия между представителями религии и науки в России для определения реальных условий такого синтеза. В настоящее время в силу ряда факторов представители различных наук разобщены, а в отношениях между исследователями в пределах даже одной научной школы могут доминировать личные интересы и амбиции, наличие которых провоцирует затяжные конфликты, что создаёт существенные препятствия для совместной деятельности. Такая ситуация не способствует формированию консолидированной позиции науки.

Следует также учитывать интересы религиозных объединений и те действия, которые осуществляются в рамках этих интересов. Рассматривая действия, выполняемые в рамках реинституализации религии в обществе,

М. М. Акулич и А. М. Капалин выделяют легитимирующую (нормативную) функцию, отмечая, что «выполнение норм оказывает стабилизирующее влияние на общественные отношения. В российском обществе нормы таких традиционных религий, как православие и ислам, разделяют не только верующие, но и те, кто к верующим себя не относит, но так или иначе приобщён к этим религиозным культурам» [1]. С утверждением, что лишь выполнение нормы способствует стабилизации общественных отношений, сложно согласиться. Представляется, что помимо простого соблюдения неких установленных норм важным является также возможность верующих реагировать на изменение или трансформацию нормы; существенны санкции за их невыполнение; адекватное понимание как сущности, так и процессуальной стороны предлагаемой нормы. Делая акцент на том, что нормы соблюдаются также и неверующими, авторы стремятся распространить действие норм, формулируемых в пределах конфессии, на всех граждан, «приобщённых к религиозной культуре» (что само по себе допускает широкое толкование). Подтверждением такой стратегии распространения норм является деятельность ряда как исламских, так и православных религиозных объединений. Характерным примером является движение «православного про-лайфа», ставящего своей целью полный запрет производства аборт. Свою позицию сторонники этого движения строят, в основном, на эмоциональных доводах, рациональные доводы либо не берутся в расчёт, либо искажаются, что ведёт к росту

недоверия к науке. Параллельно с абортами осуждается ряд современных технологий, таких, как некоторые виды экстракорпорального оплодотворения, а также исследования стволовых клеток, концептуально связанных с использованием эмбриональных тканей, что, по мнению участников движения и представителей ряда конфессий, нарушает права «нерождённой личности», которая, в соответствии с их представлениями, возникает с момента зачатия. Соответственно, получение стволовых клеток из 6–7-дневных эмбрионов человека является, с их точки зрения, недопустимым.

Таким образом, сложившаяся практика общественного взаимодействия в России показывает, что достижение синергии между религией и наукой в том состоянии, которым сейчас характеризуются эти два общественных института, вряд ли возможно. Данную особенность, при соблюдении свободы совести и равноправия граждан, следует учитывать при принятии управленческих решений в рамках государства или региона. Человечество становится всё более зависимым от достижений прогресса, поэтому продвижение запретов исследования и применения каких-либо технологий может привести к дальнейшему отставанию в развитии науки вне зависимости от поводов, по которым исследования были запрещены. Ограничение генетических исследований в СССР проводилось исключительно по инициативе материалистов и атеистов, обладающих широким доступом к административным рычагам, в настоящее время ситуация вариативно повторяется. Поэтому развитие профессионального конкурентоспособного научного сообщества является первостепенной задачей для общества.

Библиографический список

1. Акулич М. М, Капалин А. М. Религия как социальный институт // Вестник Челябинского государственного ун-та. – 2008. – № 32.
2. Дульнев Г. Н. Роль синергетики в формировании нового мышления // Новая Эпоха. – 1997. – № 3.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

И. У. Бердигулов

Уральская государственная академия экономики и сервиса,
г. Уфа, Россия

Summary. Paper is devoted to the relevance of the religious education of youth. The author touches the theme of religion in the youth policy issues, religion and nationalism. Particular attention is paid to the socialization of young people and inter-generational. Young people. Religion. Innovations. And tolerance. Propaganda.

Key words: religion; nationalism; tolerance propagation; youth; religion; innovations; tolerance; propagation.

Необходима ли России религиозная молодёжь? Религия как явление призвана выполнить функцию обогащения внутреннего духовного мира человека и раскрытия вопросов самопознания. Если говорить о сегодняшнем дне, то молодёжи необходим не религиозный канон, а духовный ориентир нравственности. Существуют определённые аксиомы морали, которые необходимы для «здорового» развития социума. Религия с этой точки зрения рациональнее абстрактных разговоров о нормах человечности. В каждой религии присутствует история, традиции, ритуалы. Приобщаясь к религии, социум ощущает «связь времён и поколений». Это прививает такие качества, как смиренность, кротость, концентрируя энтузиазм и активность молодого человека в конструктивном, созидательном русле. Сегодня мы наблюдаем некую «оторванность» молодого поколения от своей истории. Культура утрачивается, самобытность исчезает, крупные города стирают грани различия между людьми. С одной стороны, социум свободен в выборе веры и религии, с другой стороны, многие становятся свободны от выбора. Религия и вера в человеке воспитываются с малых лет, преподаются родителями. Можно предположить, что родители нынешнего поколения были озадачены более насущными вопросами, нежели духовное воспитание. Набор знаний о мире, который родители передают детям, формируется жизнью и необходим. Для каждого человека, этот набор индивидуален.

Иногда человек приходит к религии в зрелые годы, иногда он находит её в сторонних занятиях. Суть религии в данном случае – предоставить человеку возможность осмыслить своё существование с точки зрения нематериальных ценностей. Как следствие, у социума проявляются идеи толерантности, внутренней гармонии, терпимости к окружающим. Говоря о современной молодёжи, следует говорить об идеях возрождения религиозности в целом. Религия важна для молодых как один из вариантов духовного совершенствования.

Как сегодняшнюю молодёжь обратить к вере? Заинтересовать её в развитии самосознания, представив религию как один из ин-

струментов. Необходима пропаганда в широкой общественности ценности «здорового духа», делая упор на связь нынешних и прошлых поколений. Уход от насаждения материальных ценностей в ущерб духовным, развитие идеи гармоничного развития. Важно рассказывать историю народов и национальностей. Раскрывать и доносить важность каждого в государственной истории. Формируя мнение индивидуума о его ценности и значимости как представителя любой народности или нации, мы ограждаем его от влияния фашистских и националистских идей. Продвигать «культ семьи» в молодёжных кругах. Семья помогает личности с эгоцентричного мировосприятия сдвигаться в сторону альтруистского. Следует продвигать идеи толерантности среди молодёжного социума.

ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ: РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

А. В. Григорьев

**Астраханский государственный университет,
г. Астрахань, Россия**

Summary. This article observes the influence of the vision of political intergovernmental relations on the interethnic interactions. The analysis of this influence was conducted on the example of the relations between the peoples of Russia and Poland.

Key words: ethnic sociology; political intergovernmental relations; Russian-Polish interethnic relationships.

В современном мире проблема межнациональных отношений приобрела особую актуальность в связи с возросшей миграцией, повышением числа конфликтов между представителями различных национальностей и поиском путей гармонизации межнационального взаимодействия. В данном контексте изучению отношений между народами в условиях их мирного сосуществования не уделяется достаточного внимания. Вместе с тем, можно отметить тот факт, что взаимное непонимание, предвзятое отношение между представителями разных национальностей являются препятствием в достижении эффективности совместного сосуществования и сотрудничества. Для развития прочных связей в экономической и политической сферах, налаживания гуманитарного сотрудничества люди не должны чувствовать неприязни по отношению к другим народам, но быть открытыми к равноправным рациональным взаимоотношениям. Впрочем, в реальности мы часто наблюдаем обратное: индивиды под воздействием негативных этнических стереотипов

предвзято относятся к представителям иных национальностей, что значительно снижает эффективность совместной деятельности, а также может привести к более негативным последствиям, в частности к развитию этнических конфликтов.

Для решения данной проблемы необходима информация о факторах, влияющих на формирование этнических стереотипов. Известный российский социолог Л. М. Дробижева, определяя предметную область социологии в понимании процессов и явлений, характеризующих межэтнические взаимодействия, в том числе и этнических стереотипов, отмечает, что они определяются социальными интересами, культурными традициями, исторической памятью, политической и экономической ситуацией [2, с. 92]. В данной статье хотелось бы обратить особое внимание на роль представлений индивидов о политическом взаимодействии в формировании этнических стереотипов. Многие учёные в своих исследованиях отмечают значительное влияние рассматриваемых представлений на межнациональные отношения. Д. Бертинг и Х. Виллейн-Гендосси отмечают тот факт, что этнические стереотипы, как относящиеся к другим народам, так и к своему, имеет смысл анализировать лишь в рамках изменяющихся международных отношений [5, с. 178]. В работе «Народы мира в зеркале геополитики» Ю. П. Платонов пишет, что политическая ситуация, опосредующая межэтнические отношения, оказывает влияние на все составляющие этнического стереотипа [4, с. 342]. Е. В. Андрееenkova в исследовании «Этнические установки русских в России к некоторым славянским, кавказским и среднеазиатским народам» отмечает зависимость такой частной характеристики политических отношений, как восприятие политической угрозы со стороны другой нации [1, с. 49].

Обозначенная проблема представляется актуальной во взаимоотношениях россиян со многими народами Европы, особенно с населением пост-социалистических государств. Если сразу после распада социалистической системы эмоции населения входивших в неё стран были слишком сильны для того, чтобы поднимать вопрос о налаживании стабильного экономического и социально-политического сотрудничества, то на настоящий момент чувства уже успели остыть и можно задуматься о восстановлении сотрудничества на рациональной, прагматичной основе. В данной статье мы рассмотрим пример взаимоотношений жителей Российской Федерации и Республики Польша. Анализируя русско-польские политические отношения, необходимо отметить их исторический и политический контекст. Наши народы имеют многовековую, насыщенную, драматическую историю взаимодействия, что не может не сказаться на межнациональных отношениях. Также немаловажным представляется влияние политического контекста, а именно представлений о политических отношениях Российской Федерации и

Польской Республики. В данном случае наиболее целесообразным является анализ не столько влияния самих политических отношений между государствами, сколько актуализированных представлений населения о них. Это связано с тем, что индивиды, выбирая стратегии поведения (в данном случае можно говорить об этнических установках как об определённой предрасположенности людей к выбору конкретных путей взаимодействия с представителями различных национальностей), руководствуются именно своими представлениями о состоянии окружающей их реальности, а они могут значительно отличаться от объективного её состояния. Этот тезис был высказан ещё в начале XX века английским социологом У. Липпманом. Он писал, что между воспринимающим окружающий мир субъектом и реальной действительностью формируется особый конструкт, названный учёным «псевдосредой». Она в свою очередь оказывает сильное воздействие на отражение индивидами реальности и, соответственно, на их поведение [3, с. 238]. Именно данный факт обуславливает важность изучения представлений, суждений, оценок индивидов, то есть составляющих общественно-го мнения для объяснения их поведения.

Прежде чем перейти к анализу роли представлений россиян о российско-польских политических взаимоотношениях на межнациональные отношения россиян и поляков, необходимо рассмотреть их актуальное состояние. Для этого обратимся к результатам социологического исследования, проведенного Левада-центром в мае 2010 года [7]. По итогам исследования, позитивно оценивают российско-польские взаимоотношения 58 % опрошенных, негативно же 21 %. Очевидно значительное преобладание положительных оценок над отрицательными. Однако предметом нашего анализа является именно негативная составляющая данных представлений. Мы рассмотрим влияние представлений о политических взаимоотношениях Российской Федерации и Республики Польша на отношения россиян к полякам. Для наиболее полного изучения мотивов действий и отношений индивидов, а также для корректной интерпретации количественных данных целесообразно использовать качественные методы исследования. Соответственно, нами был проведён анализ информации по итогам проведения фокус-группового исследования ФОМ [6], а также данных, полученных на основе проведения собственного фокусированного интервью. Данный анализ показывает, что большинство негативных высказываний информантов связано с актуализацией в их сознании негативных представлений о политических взаимоотношениях между Россией и Польшей. Участники фокус-групп соотносят негативные качества, приписываемые полякам как народу, с проблемами в политической плоскости отношений наших стран. Это можно проиллюстрировать следующим высказыванием: *«Конфликтные они (поляки) все... Да потому что*

политика у нас такая же: вечно у нас какие-то конфликты, вечно они (правительство Польши) от нас чего-то хотят».

Полученные выводы также можно подтвердить на основе данных количественного исследования, проведённого Левада Центром [7], по итогам которого мы отмечаем преобладание высказываний о политических противоречиях в ответ на вопрос об основных проблемах российско-польских отношений.

Таким образом, мы можем сказать о том, что представления индивидов о политических отношениях между государствами в значительной степени влияют на межнациональные отношения между народами, проживающими в названных странах. Результаты проведённого анализа позволяют нам сделать вывод об этатичности сознания россиян, то есть о проецировании отношений к государству на межнациональные отношения, что в значительной степени негативно отражается на отношениях к другим национальностям.

Библиографический список

1. Андрееenkova Е. В. Национальные идеи и предрассудки как приёмы привлечения электората во время избирательных кампаний // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний (Материалы конференции) / под ред. А. В. Брушлинского и В. Е. Лепского. – М. , 1999.
2. Дробижева Л. М. Этносоциология: цели, методы, некоторые результаты. – М. : Наука, 2000.
3. Липман У. Общественное мнение. – М. : Институт фонда «Общественное мнение», 2004.
4. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики. – М. : Юнити-Дана, 2007.
5. J. Bertling, Ch. Villain-Gandossi. Rola i znaczenie stereotypów narodowych w stosunkach międzynarodowych: podejście interdyscyplinarne. – Kraków, 1995.
6. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/inter_pol/count_/poland/ddo50428. (Дата обращения: 15. 01. 2012.)
7. URL: <http://www.levada.ru/press/2010040801.html>. (Дата обращения: 14. 01. 2012.)

ПРОБЛЕМА ГЕНОЦИДА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г. Р. Кароян
Российско-Армянский (Славянский) университет,
г. Ереван, Армения

Summary. The term "genocide" did not exist before 1944. It is a very specific term, referring to violent crimes committed against groups with the intent to destroy the existence of the group. Human rights, as laid out in the U. S. Bill of Rights or the 1948 United Nations Universal Declaration of Human Rights, concern the rights of individuals. Genocide is defined as "the deliberate and systematic destruction, in whole or in part, of an ethnic, racial, religious, or national group", though what constitutes enough of a "part" to qualify as genocide has been subject to much debate by legal scholars.

Key words: genocide; human rights; society.

Одним из следствий межэтнических и межконфессиональных столкновений является геноцид.

Под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- убийство членов такой группы;
- причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- умышленное создание для группы таких условий жизни, которые рассчитаны на её полное или частичное физическое уничтожение;
- меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- насильственная передача детей из такой группы в другую.

Геноцид – это когда все человеческие законы и нормы отменяются. Невинных не остаётся, в преступлениях обязаны участвовать все. Выбор сужается до крайности: ты присоединяешься либо к убийцам, либо к убитым.

С некоторых пор «геноцид» – одно из самых популярных ругательств в отечественном лексиконе. За что костерили «антинародный режим Ельцина» Зюганов и К? За «геноцид». А какой легальный счёт пытается предъявить Следственный комитет при Генпрокуратуре РФ Саакашвили за Южную Осетию? Тот же самый... «Геноцид» – нечто вроде абсолютного оружия или «окончательного решения», которое с некоторых пор взяли на вооружение профессионалы пропагандистских схваток. Как правило, без должных оснований.

У каждого преступления есть своё имя и своя квалификация. Даже когда голодомор 30-х годов называют геноцидом, это вызывает сомнения, правда, по другой причине. Тут точнее определение «демоцид». Жертвы голодомора исчислялись сотнями тысяч и мил-

лионами, но выбор определялся не по национальному, а по социальному признаку.

Не бывает хороших преступлений, однако же из всех преступлений против человечества выделяется преступление, страшнее Судного дня, – геноцид и демоцид.

Бывшие колониальные державы увлечённо играли в свои гроссмейстерские постколониальные игры (франкофоны против англофонов), смысл которых заключался в том, как не допустить усиления влияния конкурентов на своей «канонической» территории, пусть даже и бывшей. Члены Совета Безопасности ООН интриговали друг против друга, как, например, Великобритания против США, блокируя любую возможность эффективного решения, да никто и не рвался к таковому. Мало ли что происходит в тёмном углу Чёрного континента? «Трайбализм. Межплеменное насилие»... «Вспышка старой этнической вражды»... «Нарушение прекращения огня»... «Провалившееся государство»... В общем, что с них взять, нас это не касается... Таков был негласный консенсус. Интернациональная дипломатия с редким единодушием отказывалась употреблять слово «геноцид» применительно к этой ситуации.

Геноцид – это всеобщее сумасшествие, когда все сверху донизу теряют человеческий облик. Это происходит лавинообразно, как камнепад или как землетрясение, но это рукотворное землетрясение.

Каждый геноцид происходил не внезапно: государствам и обществам требуется определённое время для того, чтобы подготовиться к совершению этого преступления. На любом этапе развития событий геноцид возможно остановить. Геноцид всегда организован: в большинстве случаев представителями государства, реже – неформальными путями, например, с помощью военизированных или религиозных организаций. Части, банды, толпы людей, осуществляющих геноцид, как правило, заранее вооружены и\или обучены. На этой стадии готовятся планы убийств, например, составляются «чёрные списки». Хотя определение геноцида включает элемент намерения, т. е. сознательного совершения преступления против больших групп населения, на практике не всегда политика геноцида осознаётся её проводниками и уж тем более открыто не декларируется. Она может прикрываться вполне респектабельными лозунгами реформ на благо общества в целях свободы и социальной справедливости. Многие фактические соучастники преступлений могут «не замечать» реальных последствий своих действий, искренне считая себя героями и благодетелями человечества. Не случайно наиболее чудовищные в мировой истории акты геноцида проводились «во имя» самых благородных и привлекательных для общества целей.

Геноцид – старое преступление, можно вспомнить хоть Чингисхана, и новое понятие. В Женевских конвенциях не было форму-

лы, описывающей такое злодеяние. «Преступление, которому нет названия», – так отреагировал Уинстон Черчилль на первые появившиеся сообщения о холокосте.

Название этому, не знающему меры преступлению, дал польско-американский исследователь Рафаэль Лемкин. Это он извлек из анналов истории платоновское определение *genos* – раса, племя, и к древнегреческому добавил латинское слово *cides*, что означает «убийца», «акт убийства». В 1944 году, размышляя над тем, что казалось ещё недавно немыслимым, он определил «геноцид» как «практику уничтожения народов или этнических групп». Экспертиза Лемкина пригодилась на Нюрнбергском процессе, а затем и в деятельности ООН. Впрочем, многие современные последователи Лемкина склонны объединить понятия «геноцид» и «демоцид».

Геноцид, как ни странно, не лимитируется уровнем культурной цивилизации общества, во всяком случае, напрямую. Германия и Руанда точно не находились на одном витке развития, однако же можно спорить, какая из стран продемонстрировала крайнюю глубину падения. Скорее, речь должна идти о политической цивилизации. Геноцид – свойство диктатур. В демократиях эта губительная эпидемия не прививается, у демократий есть иммунитет против этой напасти. Теории геноцида, основанные на понятиях «коллективной вины» и «психосоциального» феномена, являются эмпирически неподтверждёнными или, в лучшем случае, дают очень неточное и однобокое объяснение.

История человечества – это история геноцидов. Ситуации, которые попадают под современное определение геноцида, зафиксированы ещё в Библии.

Древний Рим, например, полностью уничтожил или превратил в рабов население Карфагена. В раннем Средневековье крестоносцы в ходе Альбигойских войн вырезали большую часть населения Южной Франции. Во время Великой Французской революции войска, подавлявшие восстание роялистов в Вандее, получили приказ убивать не только взрослых мужчин, а также детей и женщин репродуктивного возраста.

Аналогичные преступления творились практически повсеместно в мире, приобретая особо крупные масштабы в древнем и средневековом Китае и на Ближнем Востоке.

Массовые убийства мирных жителей были зафиксированы в ходе большинства вооружённых конфликтов 20 века. Осознание трагических событий Первой и Второй мировых войн, а также других войн в истории человечества имело следствием признание геноцида преступлением, нарушающим нормы международного права, противным нравственным и моральным принципам, понимание необходимости его предупреждения. «Никогда больше», – повторяли выжившие, повторяли судьи Нюрнбергского международного

военного трибунала. Но на протяжении второй половины XX века – «века геноцида» – геноцид повторялся снова и снова. Геноцид является самым преступным из всех преступлений (Crime of crimes), поскольку индивид обречён на уничтожение не в силу его личных характеристик, а по причине обладания врождёнными физическими и духовными свойствами, принадлежности или связи с определённой группой лиц. У жертвы не остаётся выбора. Нет ничего более ценного, чем человеческая жизнь, пережив два ужасных геноцида в первой половине XX века человечество, казалось бы, сделает всё возможное для предотвращения преступлений такого рода. Пережив геноцид армян и холокост, человечество не сделало никаких выводов. Человеческая жизнь не имеет никакого значения, когда на первый план выступают эгоистичные намерения вышестоящих лиц.

И акты геноцида с древних времен продолжают до наших дней. И когда прекратится эта глобальная катастрофа – пока не ясно. Сколько примеров ещё понадобится мировому сообществу, чтоб окончательно принять и осудить геноцид? Почему до сих пор не признан один из самых жестоких геноцидов за всю историю человечества – геноцид армян, который унёс жизни миллионов и привёл к потере исторической родины – Западной Армении.

Армения до сих пор доказывает, что в 1915–1918 годы жертвами резни армян турецкими военными стали более 1,5 млн человек, большей частью стариков, женщин и детей (аналогичные обвинения в адрес Турции высказывают греки и ассирийцы). Турция утверждает, что армяне сами спровоцировали убийства, нападая на турецкие сёла, и турецкие власти лишь провели массовую эвакуацию армян, чтобы лишить войска России потенциальных союзников. Европейский Парламент и около 40 государств мира официально признают факт армянского геноцида, однако ООН не вынесла официального вердикта на этот счёт. Аналогичные обвинения в адрес Армении ныне выдвигает Азербайджан, доказывающий, что во время войны в Нагорном Карабахе было полностью уничтожено мирное население села Ходжалы.

Следующим примером самых жестоких геноцидов является холокост евреев, когда нацистским режимом было уничтожено около шести миллионов евреев. Но в отличие от геноцида армян евреи не потеряли исторической родины, а, наоборот, приобрели. И холокост был признан самой Германией, которая осуществила этот геноцид, и до сих пор Германия возмещает тот ущерб, который был нанесён еврейскому народу. Но сколько государств, осуществивших геноциды, готовы на раскаяние, на признание своих ошибок и на расплату за них? Немногие, и это факт.

Но и после холокоста акты геноцида не прекратились, а начали принимать новые обороты. Современная история также знает множество примеров погромов по расовому, национальному, рели-

гиозному признаку. Миллионы погубленных судеб не стали достаточными для того, чтобы понять ту опасность, в которой мы оказались в конце XX – начале XXI века. Геноциды, осуществляемые на пороге XXI века, по своей жестокости не уступают событиям, произошедшим 50-ю годами ранее. История ничему не научила нас. Геноциды повторяются снова и снова. Непризнание и безнаказанность геноцида армян повлекла за собой целый ряд преступлений. Для страны, пережившей геноцид, важно рассмотреть преступления подобного рода. Рассмотреть процесс мирового признания и осуждения, и извлечь уроки, для того чтобы процесс признания геноцида армян достиг своего завершения. Страна, являющаяся правопреемницей Османской Империи, должна быть привлечена к ответственности и понести соответствующие санкции.

Босния

Во время гражданской войны 1992–1995 годов войска Югославии (в основном состояли из православных сербов) проводили этнические чистки в отношении хорватов (католиков), мусульман-босняков и цыган. Одним из самых известных преступлений является уничтожение мусульманской деревни Сребреница – погибло более 7 тыс. мирных жителей. В свою очередь, сербы утверждают, что этнические чистки в отношении православных проводили и вооруженные формирования хорватов и мусульман.

Руанда

В стране проживают две основные этнические группы – земледельцы хуту и кочевники тутси, представители которых долгое время правили страной. Первые случаи массового истребления людей по этническому принципу (так действовали и тутси, и хуту) были отмечены в 1961 году. В 1972 году власти (тогда в Руанде правили тутси) организовали убийства около 200 тыс. хуту. В 1994 году резня вспыхнула с новой силой: на этот раз власть находилась в руках у хуту, которые организовали уничтожение около 940 тыс. тутси и "умеренных" хуту.

Судан

Война в Судане идёт примерно с 1983 года: проправительственные группировки и армия мусульманского Севера воюют с организациями, представляющими местных христиан и анимистов. Кроме того, конфликт имеет и иные составляющие: между кочевниками и земледельцами, между арабоязычными и иноязычными и т. д. В 2002 году правительство Судана было обвинено в убийствах более 2 млн человек. В 2004 году внимание мира было привлечено к событиям в провинции Дарфур, где при поддержке армии арабская милиция ("джанджавиды") уничтожала и изгоняла из родных мест представителей местных чёрных племён. Считается, что лишь за последние несколько лет в Дарфуре погибло более 600 тыс. человек.

В каждой культуре и обществе существует разделение на "своих" и "чужих" – на основе национальности, расы, религии и пр. (немцы и евреи, мусульмане и христиане и пр.). В случае, если общество биполярно, то есть в нём проживают две крупные и отличающиеся друг от друга группы населения, возникновение геноцида наиболее вероятно.

Сторона-организатор геноцида всегда отрицает факт геноцида. Она объявляет недостоверными свидетельства жертв геноцида, пытается уничтожить братские могилы жертв и начинает контрпропаганду, обвиняя в страшных преступлениях самих жертв геноцида. Организаторы геноцида активно блокируют расследования этих преступлений. В ряде случаев преступные правители стран, организовавшие геноцид, сумели уйти от уголовной ответственности и скончались в мире.

Из всего этого следует один вопрос: сколько ещё мирных людей должно погибнуть, чтобы это наконец прекратилось, чтобы мировое сообщество серьёзно задумалось о прекращении геноцидов.

Библиографический список

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года.
2. Вернадский В. В. Конфликтология. – М. , 2005.
3. Васильев А. С. Хуту против тутси: досье на национальный конфликт. – М. , 2003.
4. Вртанесян К. , Палян А. Акты геноцида в истории человечества. Геноцид в Руанде. URL: <http://www.genocide.ru/lib/genocides/rwanda.htm>
5. Джеймс Петрас. Эпоха модерна и геноциды конца XX века. – М. , 2006.
6. Скуратова А. Ю. Современные проблемы международно-правовой квалификации деяний в качестве преступлений против мира и безопасности человечества. – М. , 2006.
7. Старовойтова Г. Геноцид. URL: <http://www.neuch.ru/>
8. Трайнин А. Н. Избранные труды. – М. , 2004.
9. Фучик Ю. Геноцид: от библейских времен до XX века. URL: <http://historic.ru/news/item/foo/s14/n0001424/index.shtml> (дата обращения 11. 09. 2008).

ПРАВО НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ГАРМОНИЗАЦИИ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

О. Е. Герасимова

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Summary. The article deals with political issues related to associated with providing the people the right to self-determination, in particular, the author distinguishes between internal and external self-determination, discusses the main forms of implementation of these rights: secession, territorial autonomy and national-cultural autonomy.

Key words: self-determination; secession; autonomy; territorial autonomy and national-cultural autonomy.

Гармонизация ценностей всех этнических форм человечества должна быть в основе этнонациональной политики любого государства. С этой точки зрения деятельность государства должна быть направлена на обеспечение гармоничного сосуществования и конструктивного взаимодействия всех представленных в сообществе этноконфессиональных групп. При решении данной задачи усилия государства должны быть направлены на обеспечение условий для свободного и равноправного развития всех этнических групп, представленных в государстве, на утверждение их гражданского достоинства, на развитие этнических культур и языка.

Сегодня, можно сказать, едва ли не главной составляющей современного общества является достижение важнейшей ценности поликультурного и полиэтнического мира – гармоничного сосуществования различных этноконфессиональных групп в рамках одного государства. Одним из основных факторов, влияющих на гармонизацию межэтнических отношений, является предоставление народам права на самоопределение.

Право народов на самоопределение – в конституционном и международном праве – право народов (наций) определять форму своего государственного существования в составе другого государства или в виде отдельного государства. Кроме отделения подразумевается значительное количество возможностей самоопределения – от полного отказа от каких-то особых прав до самоуправления, автономии или различных форм культурного обособления.

Право народов на самоопределение является одним из ключевых принципов международного права. Данный принцип закреплён в Уставе ООН и многих других международно-правовых документах.

Так, Международные Пакты о правах человека 1966 года уже в первой статье декларируют право народов на самоопределение: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права

они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают своё экономическое, социальное и культурное развитие» [2]. Согласно Декларации ООН о принципах международного права 1970 г [1] создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определённого народом, являются формами осуществления этим народом права на самоопределение. Данная декларация даёт детальный анализ принципа равноправия и самоопределения народов, в том числе закрепляя за последними право свободно и беспрепятственно определять свой политический статус и осуществлять своё экономическое, социальное и культурное развитие. Исходя из этого принципа каждый народ имеет право самостоятельно выбирать пути своего политического развития – либо он видит своё политическое будущее и самоопределяется в рамках того государства, на территории которого он проживает, либо отделяется от этого государства и становится государствообразующим этносом, создаёт своё независимое, суверенное государство.

С этой точки зрения правильным будет различать внутреннее и внешнее самоопределение.

Внутреннее самоопределение – это выбор определённой формы самоопределения народа внутри государства, без стремления к отделению. Одной из наиболее очевидных форм самоопределения в этом случае становится предоставление этносу (народу) автономии. Под **автономией** мы будем понимать предоставление части государства, отличающейся какими-либо географическими, национальными (этническими) или иными особенностями, определённой степени самостоятельности в вопросах этнокультурного и хозяйственного характера. Таким образом, автономия – это относительно самостоятельное государственное образование в рамках определённой территории в составе единого государства. В современной науке принято различать национально-территориальную и национально-культурную автономию.

Национально-культурная автономия – это особая форма национально-культурного самоопределения народов, представляющая собой объединение этнической группы на общности языка, культуры и традиций в целях сохранения самобытности этноса и развития его культурных ценностей, а также в целях самостоятельного решения вопросов образования, здравоохранения и социальной защиты. Национально-культурная автономия предоставляется не территории, а этносам. В силу этого, она носит внетерриториальный характер и объединяет людей исходя из их национальности, стремления изучать, сохранять и развивать свою национальную культуру и самобытность вне зависимости от места их проживания. В практической жизни национально-культурная автономия предо-

ставляет этническим группам возможность создавать свои центры изучения культуры, языка и традиций, организации школ с преподаванием на родном языке, издавать собственные средства массовой информации, возрождать свои промыслы и ремесла.

В настоящее время данная форма автономии распространена во многих странах мира. Так, в 1996 г. в РФ был принят федеральный закон «О национально-культурной автономии». Согласно ему национально-культурная автономия в Российской Федерации – это форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой объединение российских граждан, относящих себя к определённой этнической группе и находящихся в положении этнического меньшинства, на основе их добровольно самоорганизации в целях сохранения и развития культуры, языка и традиций. Конституционно-правовой формой национально-культурной автономии является общественная организация [4].

Вместе с тем стоит обратить внимание на то, что национально-культурная автономия эффективна только для этносов, которые дисперсно расселены по территории государства и не имеют каких бы то ни было территориальных анклавов, например для диаспор. Тогда как при наличии у этноса собственной территории их компактного проживания более эффективно будет использовать другой вариант внутреннего самоопределения – территориальную автономию.

Национально-территориальная автономия – форма самоопределения в виде относительно самостоятельной государственности на территории с особым национальным составом населения, своеобразной культурой, традициями и языком. Территориальные автономии обладают ограниченным суверенитетом. Он выражается в наличии таких политических атрибутов, как собственное законодательство, правительство, судебные органы и др. Такая форма самоопределения играет существенную роль в гармонизации межатнических отношений, если речь идёт об этнической группе, которая компактно расселена в границах определённой территории, то есть когда границы этноса совпадают с территориальными границами. Стоит обратить внимание на то, что центральным вопросом при осмыслении этнических границ является вопрос их устойчивости. Так, автор концепции этнических границ Ф. Барт считает, что проблема устойчивости этнических проблем является ключом к пониманию сохранности и развития этнической группы. Вместе с тем Ф. Барт отмечает, что культурные признаки этнической группы могут меняться, «тем не менее, устойчивое противопоставление тех, кто входит в группу, тем, кто не входит, позволяет выявить природу этой устойчивости» [3]. Таким образом, строго очерченная граница расселения этноса, наличие у этноса собственной территории может характеризоваться как достаточно зрелая стадия политического развития этноса и его высокая стабильность, а значит и его высокий

политический статус, что даёт ему возможность претендовать на территориальную автономию.

Внешнее самоопределение – форма самоопределения, которая предполагает отделение от единого государства и создание собственного независимого и суверенного государства или вхождение на каких бы то ни было условиях в состав другого государства. Для определения данной формы самоопределения в научной литературе используется понятие «**сецессия**», которое можно определить как выход из состава федеративного государства, хотя примеры сецессии были и в унитарных государствах.

Во всех международных документах, которые признают право народов на самоопределение и на создание независимого, суверенного государства, обращает на себя внимание одна существенная оговорка. Она фактически сводится к тому, что принцип равноправия и самоопределения не должен истолковываться как санкционирующий или поощряющий любые действия, ведущие к расчленению единства суверенных и независимых государств, которые уважают и соблюдают в своих действиях принцип равноправия и самоопределения [1]. Таким образом, принцип сохранения территориальной целостности государства и нерушимость его границ вступает в противоречие с принципом равенства и самоопределения народов. Именно поэтому стоит обратить внимание на то, что право народа на самоопределение не подразумевает права на отделение, вернее, эти понятия не стоит смешивать. Исходя из этого и принимая во внимание все международные документы, посвящённые принципу равенства и самоопределения народов, можно выделить четыре условия, при которых право на самоопределение предполагает право на отделение:

- Если речь идёт о народах, подверженных колониализму и империалистической политике Европейских стран. Прежде всего, здесь можно выделить такие территории, как Азия, Африка, Латинская Америка и др. Так, в 1960 году после принятия Генеральной ассамблеей ООН декларации «О предоставлении независимости колониальным странам и народам» был подготовлен список территорий, подлежащих деколонизации и подпадающих под понятие колониальных народов. Эти народы получили право на создание своих независимых государств;
- Если речь идёт о территории, которая подвергалась аннексии после 1945 г., т. е. после принятия Устава ООН, после закрепления в международном праве принципа равноправия народов и права на самоопределение. Стоит также отметить, что в настоящее время, согласно международному праву, аннексия признаётся одним из видов агрессии и влечёт за собой международно-правовую ответственность, т. к. это нарушение территориальной целостности государства и неприкосновенности

его границ. В качестве примера можно привести Восточный Иерусалим, который был аннексирован Израилем в 1980 г., когда Кнессет принял закон об Иерусалиме, признав его единой и неделимой столицей Израиля;

- Если конституция какого-либо государства предусматривает возможность отделения и выхода и состава единого государства. Так, в 1991 году союзные республики воспользовались соответствующим конституционным правом и вышли из состава СССР;
- Если какое-либо государство не соблюдает принцип равноправия и самоопределения народов и не обеспечивает представления в органах государственной власти интересов всех этносов без дискриминации, то тогда народ или нация, права которой признаются ущемлёнными, может ставить вопрос о предоставлении ей права на отделение и на создание своего собственного государства.

Библиографический список

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml
2. Международный пакт о гражданских и политических правах, принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml
3. Низамова Л. Р. Сложносоставная концепция современной этничности: пределы и возможности теоретического синтеза // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2009. – Том XII. № 1. URL: http://www.jourssa.ru/2009/1/10_Nizamova.pdf
4. ФЗ «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г.

ПРИМИРЕНИЕ КАК МЕТОД ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Н. А. Генык, М. В. Сеньч

Прикарпатский национальный университет
им. В. Стефаника, г. Ивано-Франковск, Украина

Summary. Conceptualization of reconciliation process was started in works of Scandinavian or critical school of peace research. Interethnic reconciliation is transit from negative to positive peace. Elimination of structural violence and peace education take a priority place in reconciliation process.

Key words: reconciliation; peace; conflict.

Достижение межнационального примирения рассматривается как важный элемент стабильности и безопасности в современном мире. Несмотря на значительную актуальность, исследование процесса примирения находится на начальной стадии и оценивается как процесс перехода к качественно высшей характеристике мира.

Ю. Боргош предложил три уровня понимания мира: узкий, широкий и более широкий. Узкое понимание мира предусматривает уничтожение ядерного оружия, широкое – конвенциональных вооружений, более широкое – ликвидацию структурного насилия [4, с. 279]. К. Боулдинг выделил 4 фазы конфликта и мира: прочная война, нестабильная война, нестабильный мир, крепкий мир. Крепкий мир – это ситуация, при которой возможность войны является минимальной [8, с. 204]. Р. Арон выдвинул тезис о "мире через успокоение", который предусматривал отказ от соперничества в борьбе за землю, людей, силу и идеи [1; 9, с. 50].

Большое значение для исследования мира имела концепция позитивного мира, предложенная скандинавской школой. Разделение на традиционные и критические исследования мира совпадает с делением на средне- и долгосрочные исследования в соответствии с временем достижения поставленной цели. Согласно К. Кайзеру, среднесрочные исследования концентрируются на причинах и последствиях кризисов и военных конфликтов, их тушении, предотвращении и регулировании. Долгосрочные исследования мира проникают в более глубокие общественные, психические и технологические предпосылки построения прочного мира. Они изучают политические и экономические интересы, конфликтное поведение, роль воспитания для формирования мира [10, с. 91–92].

Представитель скандинавской школы И. Галтунг разделил мир на две стадии – негативную и позитивную. Негативный мир появляется после подписания мирного договора, однако негативный мир ещё не является полноценным миром, а только переходным этапом от борьбы к прочному миру. Позитивный мир устанавливается в результате трансформации негативного мира, когда стороны втянутся

в строительство мира, процесс примирения, согласятся с мнением, что война закончена и не стремятся к её возобновлению [6, с. 134]. И. Галтунг считал мир отсутствием насилия. Он выделил явное, непосредственное, личное и структурное насилие. Структурное насилие – это ситуация, когда человек не может полностью реализовать свои соматические и духовные возможности, не может свободно развиваться. Позитивный мир – это состояние общества, при котором возможна реализация многих ценностей (общественной справедливости, благополучия, счастья, свободы, равенства, отсутствие страха, эксплуатации), а негуманные отношения устранены или ограничены [10, с. 134–135, 152; 11].

В докладе Генерального секретаря ООН Б. Бутроса-Гали были выделены основные инструменты Организации для поддержания мира и безопасности: превентивная дипломатия, миротворчество, поддержание мира, пост-конфликтное миростроительство. Миростроительство предполагает поддержку структур, которые будут содействовать укреплению мира в целях предотвращения рецидива конфликта [3, с. 12–29; 5; 7, 12]. Если раньше мир устанавливался методом сверху (top-down), то есть вследствие деятельности международных организаций, правительств и миротворческих сил, то новый подход предполагает установление мира снизу (bottom-up), то есть вовлечение в мирный процесс жителей региона, местных лидеров, экспертов и т. п.

Метод problem-solving или гарвардской школы предполагает достижение примирения на уровне индивидов, от которых зависит поддержка политики руководителей, ведущих конфликт. Если конфликт будет решён на уровне индивидов, основа для массовых конфликтов исчезнет. Э. Кэли разработал метод мягкого посредничества (soft mediation). Для решения конфликта необходимо изменить взаимодействие враждующих групп для достижения уровня, когда их взаимодействие станет направляться на развитие. Этот метод предусматривал исключение из процесса установления мира международных организаций и правительств и концентрацию на местном самоуправлении, небольших группах и локальных лидерах. То есть примирение перемещалось с международного уровня на человеческий [6, с. 37–38].

Важное значение для достижения примирения имеет воспитание. Его целью являются сознательная и целенаправленная деятельность для сохранения мира, направление энергии молодого поколения на творческие, а не сокрушительные действия [12, с. 172]. Примирение – необходимый элемент успешного миростроительства, долгосрочный процесс перехода от негативного (нестабильного, некрепкого) к позитивному (стабильному, прочному) миру, который заключается в принятии и согласии большинства общества с условиями мирного урегулирования. Примирение предполагает

глубокое переосмысление двусторонних отношений, преодоление негативных стереотипов, взаимное прощение, разработку проектов сотрудничества, отказ от реванша, и имеет целью недопущение повторения двусторонних конфликтов [2, с. 95].

Библіографічний список

1. Арон Р. Мир і війна між націями. – К. , 2000. – 685 с.
2. Генік М. А. Дослідження миру у політичній думці ХХ століття // Дні науки філософського факультету. – 2011. Матеріали доповідей та виступів. – Частина 9. – К. , 2011. – С. 93–95.
3. An Agenda for Peace. Preventive diplomacy, peacemaking and peace-keeping. Report of the Secretary-General pursuant to the statement adopted by the Summit Meeting of the Security Council on 31 January 1992. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N92/259/61/PDF/N9225961.pdf?OpenElement>
4. Borgosz J. Drogi i bezdroża filozofii pokoju. – Warszawa, 1989. – 311 s.
5. Boutros-Ghali B. An Agenda for Peace 1995. – New York, 1995. – 106 p.
6. Dziewulska A. Sztuka rozwiązywania konfliktu zbrojnego. Teoria i praktyka oddziaływania na współczesne konflikty. – Warszawa, 2007. – 215 s.
7. Evans G. Współpraca dla pokoju. Agenda globalna na lata dziewięćdziesiąte i następne. – Warszawa, 1994. – 273 s.
8. Modzelewski W. Pacyfizm. Wzory i naśladowcy. – Warszawa, 2000. – 392 s.
9. Osadnik B. Postrzeganie pokoju. Wymiar historyczny i współczesny // Między realizmem a utopią. Świadomościowo-ideologiczne i polityczne przesłanki pokoju i demokracji na przełomie XX i XXI wieku oraz ich historyczne uwarunkowania. – Katowice, 1998. – S. 37–52.
10. Rudnik S. Badania nad pokojem w Republice Federalnej Niemiec. – Słupsk, 1984. – 371 s.
11. Świeca J. Metodologiczne aspekty polemologii i peace research u schyłku XX w. // Między realizmem a utopią – S. 21–35.
12. Wesołowska E. A. Współczesna pedagogika pokoju // Pokój – dialog – edukacja. – Płock, 2003. – S. 171–178.

МИРНЫЙ ПРОЦЕСС ПАЛЕСТИНО-ЕВРЕЙСКОГО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

В. М. Шибель

**Прикарпатский национальный университет
имени В. Стефаныка, г. Ивано-Франковск, Украина**

Summary. The causes of the Israeli-Palestinian confrontation, major features of the Israeli-Palestinian confrontation and correspondingly components of the Israeli-Palestinian settlement, settlement methods of this conflict and causes of failure of peace-making arrangements are considered.

Key words: Israeli-Palestinian international conflict; conflict; peace-making process; conflict settlement; peace.

Международная ситуация на Ближнем Востоке длительное время представляет угрозу глобальному миру, безопасности и стабильности. Ключевое расположение на перекрёстке путей между Европой, Азией и Африкой предопределяет заинтересованность мировых геостратегических игроков в сохранении своего влияния на Ближнем Востоке. Обострение мировой борьбы за энергетические ресурсы имеет непосредственное проявление в регионе, через который проходят транспортные коридоры из Персидского залива. Взрывоопасный потенциал региона усиливается наличием или стремлением к обладанию ядерным оружием несколькими региональными лидерами.

В течение века палестино-еврейский межнациональный конфликт представляет основное содержание ближневосточного противостояния. Данный межнациональный конфликт характеризуется комплексностью и сложностью для решения в результате совпадения ряда факторов: исторических, территориальных, идеологических, этнических, религиозных и политических.

Разрешение палестино-еврейского конфликта требует решения комплекса взаимоувязанных проблем. В первую очередь обе стороны должны признать право на существование еврейского и палестинского государств и определить форму их сосуществования (независимые государства, конфедерация, автономия в составе Израиля и т. п.). Длительное урегулирование предусматривает гарантирование безопасности Израиля со стороны окружения арабских государств, которое можно достичь подписанием регионального пакта стабильности с обязательным привлечением Ирана и формированием дееспособных органов власти и силовых структур палестинского государства, способных предупредить и предотвратить несанкционированные нападения и обстрелы еврейской территории. Сложную проблему представляет территориальное разграничение палестинского и еврейского государств, вызванное шахматным распределением анклавов в 1947 г. Захват палестинской терри-

тории в ходе военных конфликтов существенно усложнил решение проблемы, превратив формулу "мир в обмен на территории" на основной принцип переговорного процесса. Результатом увеличения палестинских территорий стала проблема государственной принадлежности и статуса Иерусалима, который обе стороны хотят видеть своей столицей. Решением проблемы предлагалось распределение города на две зоны или превращения на свободный город. Необходимым условием примирения является гарантирование неограниченного доступа к Святым местам. Отказ руководства Израиля рассматривать вопрос возвращения беженцев, как одного из условий достижения примирения, является причиной невосприимчивости палестинцами предлагаемых мирных инициатив.

Гарантирование прав национальных меньшинств в обоих государствах и прекращение строительства еврейских поселений на палестинских территориях являются необходимым условием стабилизации межнациональных отношений.

Проанализировав ход мирных инициатив относительно решения палестино-еврейского конфликта, можно выделить два основных способа, которые использовались для его урегулирования, – это способ частичного урегулирования и способ всестороннего урегулирования. При частичном методе урегулирования предлагалось решение одной или нескольких проблем, оставляя нерешённым весь комплекс других противоречий. Этот метод создавал определённый *modus vivendi* в условиях объективной невозможности достижения полномасштабной договорённости.

Способ всестороннего урегулирования заключался в достижении рамочного соглашения, в котором будет комплексно разрешён каждый вопрос конфликта и определена поэтапная их имплементация.

Прогноз перспектив мирного процесса палестино-еврейского конфликта является невозможным без анализа основных причин, которые привели к неудаче мирных мероприятий. Исследование и оценка природы и характера причин неудач является необходимым шагом, который предшествует их предупреждению и учёту при выработке способов и методов урегулирования. Основными причинами неудач мирных инициатив является комплекс взаимозависимых факторов:

- Несоблюдение и невыполнение сторонами резолюций СБ и ГА ООН, которая касается урегулирования палестино-еврейского конфликта;
- Необеспечение последовательности мирного процесса, которая должна предусматривать сдерживание и выполнение достигнутых ранее договорённостей и представлять основу следующих переговоров.
- Отсутствие или неустойчивый характер демократии в регионе, непрозрачность системы власти и непрозрачность принятия

решений, которые создают возможности для сторон манипулировать общественным мнением, формировать образ врага и расторгать мирный процесс;

- Социальная нестабильность, низкий уровень жизни, высокий уровень безработицы, которые создают атмосферу невосприимчивости и противодействия большинством населения Палестинской автономии мирным планам.
- Отсутствие общественного примирения, наличие крепко укоренившихся негативных стереотипов, отсутствие мирного лобби в обоих обществах;
- Стойкие традиции взаимной ненависти и нетолерантности, отсутствие «воспитания для мира», недостаточное желание обеих сторон достичь мира и ориентация на силовую модель решения конфликта;
- Привлечение к мирному процессу только США, недостаточное использование мирного потенциала мирового содружества и посреднических возможностей ряда других геостратегических игроков с нейтральной позицией относительно участников конфликта (ЕС, Китай, Индия и т. п.)

Однако основная причина провала мирных акций заключается в препятствиях не тактического, а стратегического характера.

Предыдущий процесс мирного решения палестино-еврейского противостояния подтверждает тезис о невозможности достижения примирения только на уровне двух непосредственных сторон конфликта. Длительное и долгосрочное решение конфликта должно рассматриваться как производная и фрагмент более масштабного понимания на уровне сердцевинных государств или другого представительства западной и исламской цивилизаций, необходимым компонентом которого должна была бы стать проблема международной безопасности на Ближнем Востоке. Достижение такого понимания в современной системе международных отношений маловероятно.

Значительно усложняет ситуацию проблема Святых мест нескольких религий, особенно иудаизма и ислама. Соперничество за обладание Святыми местами, которые находятся в одном и том же месте, нивелирует возможности рационального подхода к разрешению конфликта. Необходимо также ограничение и исключение влияния религиозных экстремистов на межнациональные отношения.

Принадлежность к разным цивилизациям значительно усложняет процесс решения конфликта. Опыт других межнациональных конфликтов межкультурного характера подтверждает сложность или невозможность применения стратегии кооперации для решения конфликта.

То есть причиной неудач мирных инициатив относительно урегулирования палестино-еврейского конфликта является целый

комплекс причин, и их решение требует всесторонних мероприятий и решений по всему ряду проблем.

В целом даже негативный опыт палестино-еврейского урегулирования даёт основания для определённых выводов, которые должны учитываться на следующих этапах мирного процесса.

- Важным заданием является формирование базы взаимоприемлемых принципов мирного процесса, которые должны основываться на общечеловеческих ценностях, нормах Устава ООН, резолюций СБ и ГА ООН.
- Обеспечение последовательности мирного процесса, которое должно предусматривать сдерживание и выполнение достигнутых ранее договоренностей и представлять основу следующих переговоров.
- Успех мирного процесса требует расширения ближневосточного квартета за счёт включения в него Ирана, более масштабного использования мирного потенциала мирового содружества и посреднических возможностей ряда геостратегических игроков (ЕС, Китая, Индии).
- Важным элементом снижения конфликтности отношений является обеспечение демократичности процедур политического процесса, широкого политического участия граждан в разрешении общественных дел, прозрачности системы власти в обоих обществах.
- Проведение глубоких экономических реформ на арабских территориях (ликвидация безработицы и бедности).
- Проведение курса внутренней политики, направленной на общественное примирение, преодоление негативных стереотипов, воспитания толерантности.
- Формирование мирных лобби, «воспитания для мира» через систему образования и СМИ;
- Ограничение деструктивного влияния экстремистских движений.

Палестино-еврейский конфликт принадлежит к антагонистичному типу конфликтов, которые чрезвычайно трудно решить, и, наверное, не удастся урегулировать в ближайшие десятилетия. Задаaniem политиков и общественных деятелей обоих обществ и международных посредников является проведение политики, направленной на недопущение эскалации конфликта и его редукцию. Ближневосточная стабильность является необходимым и важным компонентом международной безопасности глобального масштаба.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И НОВЫХ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ

М. А. Авилова

Кафедра российской политики факультета политологии
Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Summary. The article is devoted to the consideration of the questions concerning modern changes in international relations system. The author reveals special attention to the processes of national states integration into the united all-European “family”.

Key words: nation; political institute; national state; European Union.

Важнейшей темой дискуссий о будущем наднациональных органов управления является вопрос о статусе национального государства. Фундаментальные изменения мировой политики конца XX–начала XXI веков непосредственным образом связаны с её главным актором – государством. Этот политический институт, самый значимый, по крайней мере, с середины XVII в., в настоящее время переживает радикальную трансформацию. Неопределённость путей развития мировой системы «от собрания отдельных территориально-целостных, суверенных, юридически равных государств к иным, более иерархичным и во многих отношениях более сложным структурам» [1, с. 11] закономерно порождает активные споры о переосмыслении роли и значимости национального государства.

С тем, что национальное государство сейчас претерпевает кардинальные изменения, согласны многие. Национальное государство объективно вынуждено делить власть с международными организациями, транснациональными концернами и неправительственными социальными и политическими движениями. В связи с этим обсуждение темы государственного суверенитета получило широкий научный резонанс. Общепринято, что государственный суверенитет трансформируется, при этом всё труднее провести грань между внешней и внутренней политикой. Проблемы, решение которых ранее относилось к компетенции государств, сейчас становятся предметом вмешательства на международном уровне. К тому же меняются представления о легитимности государственной власти. Можно с определённой долей уверенности утверждать, что государства лишились своего исключительного статуса по вопросу о том, какое действие можно считать законным, а какое противозаконным, тем самым оспаривается одно из важнейших прав государства – монополия на применение силовых методов. Ставится под сомнение роль государства в формировании национальной идентичности граждан, поскольку границы политической принадлежности индивида не совпадают с границами культурной идентичности, что постепенно

подрывает понятие «национальных интересов» и превращает государство из главного субъекта формирования общности индивидов в одного из таких субъектов.

Параметры политической глобализации определяются кризисом потенциала отдельных государств, ростом проблем планетарного масштаба, возникновением новой политической культуры, которая характеризуется широким распространением и восприятием общемировых ценностей и интересов. Отмечается беспрецедентный количественный рост международных организаций, увеличение числа и усиление роли национальных и международных неправительственных организаций (НПО и МНПО) в мировой политике. По сути, происходит фундаментальная трансформация структуры международной системы.

Евросоюз – образование, не имеющее на настоящий момент аналогов. То, что в Европе стало реальностью, в других частях света остаётся труднодостижимой целью. Существование Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА), общего рынка стран Южной Америки (МЕРКОСУР), Организации Африканского Единства (ОАЕ) свидетельствует, по меньшей мере, о наличии стремления к созданию подобных интеграционных объединений.

Однако преувеличивать степень единства организаций, подобных ЕС, и преуменьшать силу национальных органов управления нецелесообразно, поскольку очевидны противоречия внутри организации. К примеру, в Евросоюзе остаются противоречия между национальными центрами и европейской бюрократией, касающиеся многих вопросов, в частности прерогатив в сфере налоговой политики. В настоящее время организация переживает двойной кризис, вызванный присоединением стран ЦВЕ и затянувшимся финансово-экономическим мировым кризисом. Настроения и ожидания народов и их правительств разнятся, сюда относятся споры о единой европейской валюте и интеграции со странами Восточной Европы. К тому же ведутся довольно острые дискуссии по внутри- и внешнеполитическим вопросам, к примеру, разногласия по вопросу возрастающего пребывания США на европейском континенте и различные позиции стран-участниц по вопросу членства Турции в Евросоюзе. Тем не менее, несмотря на существующие противоречия и мнение евроскептиков, официальная позиция европейского правительства о будущем организации представляется довольно оптимистичной.

Библиографический список

1. Кревельд М. Расцвет и упадок государства / пер. с англ. ; под ред. Ю. Кузнецова и А. Макеева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 544 с.

**План международных конференций,
проводимых вузами России, Азербайджана, Армении,
Белоруссии, Ирана, Казахстана, Польши, Украины и Чехии
на базе НИЦ «Социосфера» в 2012 году**

5–6 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях»** (К-9-3-12).

10–11 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные проблемы современных политико-психологических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты»** (К-10-3-12).

15–16 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность»** (К-11-3-12).

20–21 марта 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика»** (К-12-3-12).

25–26 марта 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований»** (К-13-3-12).

1–2 апреля 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Игра и игрушки в истории и культуре, развитии и образовании»** (К-14-4-12).

5–6 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Народы Евразии. История, культура и проблемы взаимодействия»** (К-15-4-12).

10–11 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Проблемы и перспективы развития образования в XXI веке: профессиональное становление личности (философские и психолого-педагогические аспекты)»** (К-16-4-12).

15–16 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Информационно-коммуникационное пространство и человек»** (К-17-4-12).

20–21 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социальные науки и общественное здоровье: теоретические подходы, эмпирические исследования, практические решения»** (К-18-4-12).

25–26 апреля 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы международной научно-практической конференции»** (К-19-4-12).

5–6 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Теория и практика гендерных исследований в мировой науке»** (К-20-5-12).

10–11 мая 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения»** (К-21-5-12).

15–16 мая 2012 г. III международная научно-практическая конференция **«Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия»** (К-22-5-12).

25–26 мая 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества»** (К-24-5-12).

1–2 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Социально-экономические проблемы современного общества»** (К-25-6-12).

3–4 июня 2012 г. международная научно-практическая конференция **«Текст. Произведение. Читатель»** (К-45-6-12).

5–6 июня 2012 г. II международная научно-практическая конференция **«Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты»** (К-26-6-12).

10–11 сентября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-12)

15–16 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-12)

20–21 сентября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-12)

1–2 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-12)

5–6 октября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-12)

10–11 октября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Современная психология на перекрестке естественных и социальных наук: проблемы междисциплинарного синтеза»** (К-33-10-12)

15–16 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-12)

25–26 октября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-12)

1–2 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-12)

5–6 ноября 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-12)

10–11 ноября 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Дошкольное образование в стране и мире: исторический опыт, состояние и перспективы»** (К-39-11-12)

20–21 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-12)

25–26 ноября 2012 г. II Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-12)

1–2 декабря 2012 г. III Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-12-12)

5–6 декабря 2012 г. Международная научно-практическая конференция **«Актуальные вопросы теории и практики лингвострановедческой лексикографии»** (К-44-12-12)

ИНФОРМАЦИЯ О ЖУРНАЛЕ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, доцент (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, профессор (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза,

Россия), Голандам А. К., заведующий кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Решт, Иран), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. www.vak-journal.ru/spravchnikudc/; www.jscc.ru/informat/grnti/index.shtml). Формат страницы А4 (210 x 297 мм). Поля: верхнее, нижнее и правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный; отступ – 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman, стиль – Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки следует аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: **Петров ИВ** или **German P**. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно **Петров ИВ квитанция** или **German P receipt**.

Материалы должны быть подготовлены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003, тщательно выверены и отредактированы. Допускается их архивация стандартным архиватором RAR или ZIP.

Выпуски журнала располагаются на сайте НИЦ «Социосфера» по адресу <http://sociosphera.ucoz.ru> в PDF-формате.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX ВВ.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**QUESTIONS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSK IN XVIII–XIX
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history; socio-economic history; periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранившихся в них пуб-

ликаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефедов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефедов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М. : Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York. : H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет **150 рублей за 1 страницу**. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчета 150 руб. за один экземпляр. **Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации.**

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: **ООО Научно-издательский центр «Социосфера»**

р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк»
(ОАО) «Пензенский» г. Пенза

ОГРН 1095837003239

ИНН 5837042277

КПП 583701001

БИК 045655722

к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России
по Пензенской области

Платеж: **ФИО автора**

Тел. (8412) 21-68-14, e-mail: sociosphere@yandex.ru

Главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.

Генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона Геннадьевна.

ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА»

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок) – 50 рублей за 1 страницу *.
- Изготовление оригинал-макета – 30 рублей за 1 страницу.
- Дизайн обложки – 500 рублей.
- Печать тиража в типографии – по договоренности.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж	Цена в рублях за количество страниц				
	50 стр.	100 стр.	150 стр.	200 стр.	250 стр.
50 экз.	7900	12000	15800	19800	24000
100 экз.	10800	15700	20300	25200	30000
150 экз.	14000	20300	25800	32300	38200
200 экз.	17200	25000	31600	39500	46400

* **Формат страницы** А4 (210х297 мм). Поля: левое – 3 см остальные – 2 см; интервал 1,5; отступ 1,25; размер (кегель) – 14; тип – Times New Roman.

Тираж включает 16 экземпляров, подлежащих обязательной отсылке в Российскую книжную палату.

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГНПУ**

Научно-издательский центр «Социосфера»
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Пензенская государственная технологическая академия

**ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ
КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ЗАДАЧ
СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Материалы II международной научно-практической
конференции 1–2 февраля 2012 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор Е. Ю. Данилина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой
Дизайн обложки Ю. Н. Банниковой

Подписано в печать 09.02.2012. Формат 60х84/16.

Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 6,13 п. л.

Усл.-печ. л. 5,7 п. л.

Тираж 100 экз. Заказ № 4/12.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440026, г. Пенза, ул. Лермонтова, д. 34, ком. 201-в. (8412) 21-68-14,
web site: <http://sociosphera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09